Всесоюзная Коммунистическая Партия (больш.).

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ПРАВДА

Орган Центрального Комитета и МК ВКП(б).

№ 237 (6123). | 28 августа 1934 г., вторник. | ЦЕНА 10 КОП.

Вчера с'езд советских писателей перешел к обсуждению вопросов драматургии — ведущей силы советского театра, воспитывающего миллионы.

„Мы отдадим все наши силы, все наше умение, а если нужно — и жизнь, великому делу социализма",— заявляют писатели Белорусской ССР в письме товарищу Сталину.

Верных сынов великой родины — Красной Армии.

Вспомните призыв в старую, палочную царскую армию! Сколько слез и горя вызывал он! Побоищами, погромами, сивухой сопровождался призыв в ненавистную буржуазно-помещичью опричнину, которая в сознании не могла не отождествляться с хамскими окриками, неудержимой площадной бранью и зуботычинами. Неграмотные, забитые и отсталые, шли молодые парни «в солдаты», — шли, как на казнь.

Призыв в рабоче-крестьянскую Красную Армию стал ежегодным общенародным торжеством! Молодые, здоровые, жизнерадостные идут в армию, как в школу. Взрослые рабочие и колхозники, ревностно оберегая армию, проверяют будущих призывников, разоблачая классово враждебных лиц, которым доступ в армию пролетарской революции закрыт. Нигде в мире нет таких любовных и заботливых отношений со стороны народа к армии, как у нас. У нас армию любят, ее уважают, о ней заботятся.

В бурных овациях с'езда советских писателей красноармейской делегации, в проверке будущих призывников на цеховых и колхозных собраниях, в создании накануне призыва ударных бригад имени РККА, — во всем этом проявляется теплое чувство любви, гордости и уважения, которым окружены наши красные бойцы.

Кто призывается в этом году в армию? Дети рабочих, колхозников, трудящихся единоличников, служащих, — молодые люди, которым в дни Октябрьской социалистической революции едва минуло пять лет. Они с трудом припоминают городового и совсем не помнят ужасов капиталистического строя. Они выросли при советской власти, ею воспитаны, ею поставлены на ноги. В школах, на фабриках и заводах, на шахтах и новостройках, в совхозах и колхозах в советском юношестве росло чувство любви к своей великой родине, давшей им радость знаний и радость труда.

В точном соответствии с опубликованным 8 августа в «Правде» приказом наркома обороны тов. **Ворошилова**, одновременно с призывом начинается и увольнение из рядов РККА в долгосрочный отпуск рядового и младшего начальствующего состава срочной службы. Рабоче-крестьянская молодежь, покидающая ряды армии, в которой она прошла великолепную школу, заменит на предприятиях и в колхозах вновь призываемых. Бывшие красноармейцы, в которых армия сумела укрепить преданность к своей родине, которых армия воспитала и вооружила знаниями, сумеют в новой обстановке и на новом поприще показать образцы социалистического ударного труда. Этим товарищам нужно организовать подобающую встречу и поставить их в хорошие условия работы.

Какое отличие от старой армии и от армий в буржуазных странах! Наши призывники — в подавляющем большинстве своем грамотные: они после школы сумели уже шагнуть через ряд производственных ступеней и получить немалую квалификацию. Наша молодежь, как и весь рабочий класс, как и все колхозное крестьянство, как и все трудящиеся, будет защищать — *и хорошо защищать* — свою родину, если империалистские хищники вздумают напасть на страну социализма.

Люди, рожденные в 1912 году и призываемые в армию, прекрасно знают, что бойцам социалистического фронта — в армии ли, на производстве ли, на социалистических ли полях — везде надлежит быть передовыми и примерными в укреплении мощи и благосостояния Советского Союза. И пока призыв еще не наступил, надо увеличивать выпуск продукции, повышать производительность труда, улучшать качество работы. На московских заводах им. Фрунзе, им. Орджоникидзе, «Каучук» и др. призывники организовали ударные бригады, отлично себя зарекомендовавшие. В колхозе «Надежда» лучшей считается бригада, возглавляемая призывником-колхозником тов. **Корниенко**. Можно было бы назвать немало колхозов и предприятий, где призывники показывают примеры производственной активности и сознательности.

Но не во всех областях и районах партийные, комсомольские и советские организации по-настоящему организовали активность призывников и тех, кто их в армию провожает. Московская, Ленинградская, Адыгейская — вот области, энергично и настойчиво соревнующиеся на право удержать переходящее красное знамя Народного комиссариата обороны.

В соревнующихся областях широко поставили **обучение** малограмотных и неграмотных. Одновременно развернулась и **военно-политическая подготовка** призывников: увеличивается число ворошиловских стрелков, растет число молодых физкультурников, добившихся значка «Готов к труду и обороне».

Не то в районах, где недостаточно поняли политическое значение подготовки к призыву. Здесь местные организации забыли об ответственности, налагаемой на них предстоящим призывом. Школы ликбеза работают слабо, на низком уровне и раз'яснение призывникам их задач в Красной Армии.

Отношение местных организаций к нашей Красной Армии определяется не «торжественными» резолюциями и обещаниями, а делами и в частности отношением к призывникам.

Призыв рабоче-крестьянской молодежи в ряды Красной Армии должен превратиться в массовое торжество трудящихся нашей великой страны, сумевшей под руководством партии **Ленина—Сталина** создать свою боевую армию, мощную защиту мира и социалистического труда.

«Красная Армия, созданная под руководством Ленина, покрыла себя неувядаемой славой в великих битвах гражданской войны, изгнав из СССР интервентов и отстояв дело социализма в нашей стране.

Красная Армия является теперь оплотом мира и мирного труда рабочих и крестьян, неусыпным стражем границ Советского Союза» (Сталин).

Нет более почетной задачи, как подготовка призывника к высокому званию красноармейца! Надо, чтобы каждый призывной пункт был образцовым и культурным, чтобы вся его работа отвечала требованиям большевистской организованности. Надо создать на каждом призывном пункте уголки, выставки, справочные столы, раз'яснять призывникам политику партии и советской власти, наладить хорошее питание, окружить каждого призываемого теплым вниманием и товарищеской заботой.

«Войны мы не хотим, но и войне готовы, и если на нас нападут, рабоче-крестьянская Красная Армия будет биться до полной победы, до полного уничтожения врага» (Ворошилов). Вливающаяся в ряды Красной Армии рабоче-крестьянская молодежь — надежная смена, она еще выше поднимет боевую мощь РККА, верного стража границ нашей страны.

Дадим Красной Армии хороших и проверенных сынов нашей великой родины, беззаветно преданных большевистской партии и ее боевому и любимому вождю — товарищу **Сталину**!

Писатели Белорусской ССР, делегаты первого всесоюзного с'езда, — товарищу СТАЛИНУ.

Дорогой Иосиф Виссарионович!

Нам, белорусским писателям, делегатам всесоюзного с'езда, хочется поделиться с Вами, лучшим другом советских писателей, вождем и учителем, неизгладимыми впечатлениями, которые оставляет в наших сердцах этот великолепный с'езд.

Прежде всего наш с'езд — это замечательный показатель единения пролетарских культур, национальных по форме, показатель их огромного роста, показатель триумфа национальной политики партии. Вот почему, когда мы слышали, что народы, не имевшие до Октябрьской социалистической революции своей письменности, или как мы, белоруссы, имевшие ее формально, а фактически почти поголовно безграмотные, теперь, в результате ленинской национальной политики, создали свою промышленность, создали в изумительно короткий срок богатейшую культуру, — наши взоры обращаются к Вам, дорогой Иосиф Виссарионович. *Ибо Вы еще в глубоком подполье разработали* принципы национальной политики большевистской партии, под Вашим руководством наша славная партия с таким успехом проводит их в жизнь, Вы учили, помогали, вооружали нас теорией в борьбе против буржуазных националистов. Вы сплачивали народы великого Союза Советских Социалистических Республик.

Мы счастливы, что единство политических и хозяйственных интересов всех республик и областей, единство их воли, направленной к защите родины и к ее процветанию, нашло свое отражение в работах нашего писательского с'езда, нашло свое отражение в художественной литературе. В этом — огромная заслуга Алексея Максимовича Горького.

Мы счастливы сказать Вам, что мы, как и выступавшие представители других литератур, были полны гордостью творцов всесоюзной литературы, искренними заботами о ней во всем ее об'еме. С'езд поднял ответственность каждого писателя за всю литературу. Это — наилучший показатель большевистского единства и боевого пролетарского интернационализма советской литературы. «Крепите единство» — с этой мыслью раз'едутся все писатели после 1-го своего с'езда. «Крепите боевой пролетарский интернационализм» — эта мысль звучала в выступлениях всех делегатов, это звучало в выступлениях наших гостей, революционных писателей Запада. Они вместе с нами радовались нашим успехам. Да и не только они. Мы знаем, как радуются нашим успехам — успехам советской Белоруссии — задавленные нуждой и гнетом трудящиеся массы Западной Белоруссии. Они не имеют своих школ, у них отнято элементарное человеческое право говорить на своем родном языке. Разве развитие нашей советской науки, нашей советской белорусской литературы, развитие экономики и благосостояния нашей страны — неот'емлемой части Союза ССР — не является для них путеводной звездой среди мрака национального и социального гнета? Разве наши успехи не вдохновляют и их и нас на защиту Советского Союза?

Мы заверяем Вас, Иосиф Виссарионович, и в Вашем лице ЦК ВКП(б), что мы отдадим все наши силы, все наше умение, а если нужно — и жизнь, великому делу социализма, гениально начатому Лениным и победившему под Вашим руководством.

А. Александрович, П. Бровко, Я. Бронштейн, З. Бядуля, П. Головач, Х. Дунец, И. Гурский, Ц. Гартный, М. Климкович, Я. Колас, Я. Купала, Кропачев, К. Крапива, Кульбак, М. Лыньков, К. Черный, М. Чарот, И. Харик.

На с'езде. Группа драматургов и руководителей театров: 1-й ряд — тт. ТАИРОВ (Камерный), А. ТОЛСТОЙ, БЕРСЕНЕВ (МХАТ II), ЮЗОВСКИЙ; 2-й ряд — тт. БИЛЛЬ-БЕЛОЦЕРКОВСКИЙ, АФИНОГЕНОВ, МАРКОВ (МХАТ I).

Безобразия японо-манчжурской полиции.

ХАБАРОВСК, 25 августа. (Роста). По последним сообщениям, всего на КВЖД арестовано, начиная с 13 августа, 54 служащих — советских граждан. В то время как первоначально аресты производились полицейскими манчжурами и белогвардейцами, последние аресты производятся уже открыто японской жандармерией.

Родственники арестованных крайне встревожены сообщениями о насилиях и бесчеловечных пытках, которым подвергаются арестованные в полицейских застенках со стороны полицейских белогвардейцев и манчжур, а также со стороны японских жандармов. Особенно, как всегда, усердствуют белогвардейцы. Наиболее распространено избиение арестованных палками. Применяются, однако, и более утонченные пытки. В некоторых случаях семьи арестованных получают их белье окровавленным.

Все эти методы «воздействия» применяются с целью вырвать от арестованных «признание» и «раскаяние» в том, будто они занимались вредительской и террористической деятельностью на Восточной линии КВЖД. От избиваемых и пытаемых арестованных требуют подписания протоколов, содержащих «признание», будто они, по приказанию штаба ОКДВА, поддерживали связи с хунхузами и организовывали через них покушения на поезда, станции и т. д. и т. п.

Японо-манчжурские газеты требуют дальнейших арестов советских служащих КВЖД.

ХАБАРОВСК, 25 августа. (Роста). Инспирируемые японскими военными кругами харбинские газеты продолжают вести антисоветскую кампанию, требуя дальнейших арестов советских служащих КВЖД.

При этом выдвигается требование не ограничиваться арестами среднего персонала, а арестовывать высших руководителей дороги. В частности, **«Харбинское время»** выдвигает провокационные обвинения против начальника службы эксплуатации советского гражданина **Иванова** и его помощника **Зотова**, обвиняя их в покрывании «вредительства».

Японская газета **«Харбин-ници-ници»** от 24 августа, сообщая о производимых арестах совграждан, пишет: «В дальнейшем полицией будут арестованы высшие агенты КВЖД. Возможно, что волна арестов с Восточной линии перекатится в гор. Харбин, где будут произведены массовые аресты».

Продолжающиеся дикие вымыслы японо-манчжурских газет.

БЕЙПИН, 26 августа. (ТАСС). Харбинские японо-манчжурские и белые газеты продолжают помещать дикие вымыслы о «заговорах», «кровавых расправах», подготовлявшихся «коммунистами» — советскими гражданами. Цель этих нелепых вымыслов — оправдать беспричинные многочисленные аресты.

«Харбинское время» от 25 августа сообщает о «больших складах» различного оружия, найденного в подпольях, погребах и на огородах у советских граждан. Найдены якобы винтовки, револьверы, ручные гранаты и проч.

Характерно, что газета здесь же выбалтывает, как подготовляются полицейские провокации, указывая, что во многих случаях обыски у советских граждан «происходили в их отсутствии». Газета провокационно сообщает, что якобы многие советские граждане скрываются в советском консульстве.

Прибытие в Харбин Морита, Мори и Сато.

БЕЙПИН, 25 августа. (ТАСС). Издающаяся в Харбине газета **«Харбинское время»** сообщает о прибытии 24 августа в Харбин представителей министерства путей сообщения Манчжоу-Го, японцев **Морита, Мори и Сато**, известных своими антисоветскими действиями на КВЖД при прошлогодних арестах советских ответственных сотрудников и попытке захватить в свои руки управление дорогой.

По сообщению «Харбинского времени», «с их приездом состоится важное совещание манчжурских представителей на КВЖД для выработки планов дальнейших мероприятий. Советской стороне будет предложено дать ответ об угоне паровозов и вагонов, о переотправке на советскую территорию имущества дороги, а также на вопрос о немедленном пересмотре прав управляющего дорогой, о проведении паритета в службах и перехода дороги на исчисление в гоби».

„Мансю ниппо" о положении на КВЖД.

БЕЙПИН, 25 августа. (ТАСС). Дайренская японская газета **«Мансю ниппо»** в статье от 22 августа заявляет:

«После разрыва переговоров манчжурская сторона должна будет приложить все средства и силы к тому, чтобы поставить КВЖД в затруднительное положение, и тогда, по мнению газеты, советской стороне в конце концов придется уступить КВЖД».

Японская газета требует захвата КВЖД силой.

БЕЙПИН, 26 августа. (ТАСС). Японская газета **«Харбин Симбун»** в номере от 23 августа предлагает разрешить вопрос с КВЖД вне зависимости от хода переговоров в Токио.

Газета заявляет: «До окончательного разрешения вопроса о КВЖД необходимо выселить с территории Манчжоу-Го всех советских граждан и передать дорогу в распоряжение Главного Управления железных дорог Манчжоу-Го. Надо перешить колею КВЖД, негодные локомотивы и вагоны кому-либо продать и выписать из Америки новый подвижной состав».

В Москву прибыла турецкая военная делегация.

27 августа в Москву прибыла одесским скорым поездом турецкая военная делегация в составе 12 чинов турецкой армии во главе с генералом **Фахреттин-пашей**.

На Брянском вокзале делегацию встречали командующий войсками Московского военного округа тов. **Корк**, начальник управления делами Наркомата обороны тов. **Штерн**, зам. председателя Московского облисполкома тов. **Усов**, начальник отдела внешних сношений Наркомата обороны тов. **Геккерт**, зам. зав. 1-ым Восточным отделом НКИД тов. **Осетров**, весь состав турецкого посольства во главе с поверенным в делах **Февзи-беем**, находящийся в Москве **Эмин-паша**, и. о. зав. протокольным отделом НКИД тов. **Шило**, зам. начальника отдела внешних сношений Наркомата обороны тов. **Панюков**, зам. коменданта города Москвы тов. **Суворов**, ответственные работники Наркоминдела, Наркомата обороны и представители печати.

Делегацию сопровождали: из Турции — советский военный атташе в Турции тов. **Клочко** и от Одессы до Москвы — и. о. турецкого военного атташе капитан **Энвер-бей**.

Турецкой военной делегации были оказаны воинские почести. На перроне Брянского вокзала был выставлен почетный караул из курсантов школы им. ВЦИК. Вокзал украшен турецкими и советскими государственными флагами. В 10 час. 15 мин. поезд с делегацией подошел к перрону, встреченный турецким национальным гимном.

Начальник управления делами Наркомата обороны тов. Штерн передал генералу Фахреттин-паше по поручению народного комиссара обороны тов. **К. Е. Ворошилова** привет по случаю прибытия в Москву. Тов. *Корк приветствовал генерала и делегацию* от имени войск Московского гарнизона.

Начальник почетного караула отдал рапорт ген. Фахреттин-паше, который затем поздоровался с красноармейцами. Военный оркестр исполнил турецкий национальный гимн и «Интернационал».

С вокзала турецкая военная делегация отправилась в отель «Националь».

* * *

Турецкая военная делегация прибыла в следующем составе: глава делегации — инспектор 1-й армии генерал **Фахреттин-паша**; члены делегации — командующий дивизией генерал **Музафер-паша**, начальник школы офицерского запаса полковник **Нури-бей**, начальник кавалерийской школы полковник **Джевдет-бей**, начальник артиллерийской школы полковник **Сефеттин-бей**, преподаватель Военной академии полковник **Фахри-бей**, преподаватель Военной академии подполковник **Рахми-бей**, начальник военной школы «Харбие» подполковник **Мехмед-бей**, командир 2-го авиополка подполковник **Зеки-бей**, начальник 7-го отдела генштаба подполковник **Файзула-бей**, связист 7-го отдела генштаба майор **Ремзи-бей** и кавалерийский майор, ад'ютант *ген. Фахреттин-паши* **Фахри-бей**.

Прием турецкой военной делегации т. К. Е. Ворошиловым.

В тот же день народный комиссар обороны тов. **К. Е. Ворошилов** принял генерала **Фахреттин-пашу**, генерала **Музафер-пашу** и полковника **Нури-бея**, которых сопровождал и. о. турецкого военного атташе капитан **Энвер-бей**. (ТАСС).

* * *

Вчера днем глава турецкой военной делегации генерал **Фахреттин-паша**, генерал **Музафер-паша** и полковник **Нури-бей** в сопровождении начальника отдела внешних сношений наркомата обороны тов. **Геккера** и советского военного атташе в Турции тов. **Клочко** были приняты врид наркоминдела тов. **Крестинским**, начальником штаба РККА тов. **Егоровым**, командующим войсками Московского военного округа тов. **Корк**, а также посетили московский совет, где были приняты зам. пред. Моссовета тов. **Хвесиным**. (ТАСС).

СОВЕТСКАЯ ДРАМАТУРГИЯ НА С'ЕЗДЕ ПИСАТЕЛЕЙ.

Трудно делить вопросы, которыми занимается этот небывалый в истории человеческой культуры с'езд, по степени важности. Но вопрос о **драматургии**, обсуждавшийся вчера, — один из самых важных и значительных. Ибо драматургия наиболее действенное, наиболее острое оружие в арсенале советской литературы.

Понятно поэтому, почему так страстны были все вчерашние выступления. Пропитанные тревогой, здоровой самокритикой, они свидетельствовали о большом творческом и идейном росте советской драматургии.

Утреннее заседание 27 августа открыл тов. **Кулик**. С'езд перешел к обсуждению докладов о драматургии.

— Мой доклад отпечатан и роздан делегатам. Нет необходимости зачитывать его. Я ограничусь поэтому некоторыми дополнениями и раз'яснениями, — начал свое выступление тов. **Кирпотин**.

Драматургия накануне революции пребывала в глубоком упадке. Победивший пролетариат, создавая новое искусство, новую драматургию, достиг бесспорных успехов и в этой области.

Советские авторы подняли драматургию на значительно более высокий уровень, чем то было до революции. Советская драматургия обладает характерной и принципиальной особенностью: герои ее — волевые, крепкие люди, организаторы и борцы. Пролетарская революция делает человека хозяином судьбы. Это получает свое отражение в самом характере советских пьес.

Правда, у советской драматургии еще много слабых сторон. Драматургия наша часто страдает композиционными недостатками. Не совершенен и не всегда ярок и образен язык драматургии.

С докладами по вопросам драматургии выступили в утреннем заседании драматурги Погодин и Киршон.

Н. Погодин дополняет свой доклад, розданный в печатном виде делегатам с'езда, **несколькими примерами из опыта работы** над *киносценарием о Беломорско-Балтийском канале* и над новой драмой. Очень трудно современному советскому драматургу освоить новый материал, с которым ему приходится иметь дело. Каноны старой драмы уже неприменимы в наших условиях. Тут нужно совсем иное, особенное построение драматургического материала.

Свое основное ощущение от с'езда писателей тов. Погодин выражает так: мы все писатели после этого с'езда будем писать лучше.

— Вопрос о том, что писать, с'ездом решен окончательно, — говорит тов. **Киршон**, — вопрос теперь стоит о том, как писать. Как показывать наших героев, чтобы поднять их над жизнью? Для этого нужно подлинное знакомство автора со своим героем.

В ряде наших пьес еще много прямолинейности, схематизма. Мы не умеем еще политику претворять в действие. Публицистика в устах наших героев часто заменяет действие, которое должно художественно агитировать лучше всяких речей, вкладываемых автором в уста своих героев.

Существует мнение, что театр у нас способен справиться со всякими трудностями, но все дело в драматургах. Конечно, драматургия у нас еще слаба, но и театр в изображении людей нашего времени еще далек от совершенства. Только совместной работой театра и автора эти трудности могут быть разрешены.

* * *

С'езд приветствовала **делегация колхозниц-ударниц Троицкой МТС**, Славянского района, Азово-Черноморского края, в составе тт. **Чуприенко, Пахиловой, Семенихи, Кандыбко, Галигиной, Граниной и Живиловой**.

Тов. Чуприенко огласила письмо колхозниц Троицкой МТС, адресованное с'езду писателей. «Пользуясь тем, — говорится в письме, — что весь цвет советских писателей собрался на свой с'езд, мы *решили рассказать вам о том, чем живет и чего ждет от вас новая женщина колхозной деревни.*

Мы, женщины, сейчас по всем линиям самостоятельны: ни от мужа, ни от свекрови, ни от свекра, ни от деверя, ни от старшей невестки мы не зависим.

Мы убедились уже на опыте, как правильно сделали товарищ **Сталин** и наша партия, направив нас по колхозному пути. Быть может никто в деревне так глубоко не оценил колхоз, как мы, женщины. А как же иначе? Ведь колхоз освободил нас не только от эксплуатации кулака, от домашнего закрепощения, — колхоз открыл нам такие широкие пути-дороги, о которых никогда не могла мечтать ни одна трудящаяся женщина в мире.

Иной, неузнаваемой стала теперь наша станица. В нашей станице Троицкой теперь электрическое освещение, сотни радиоприемников, новые огромные школы, клуб, пять больших колхозных парков. Мы открываем межколхозный театр, дом отдыха колхозника, свою парашютную вышку.

Но все больше и больше растут наши потребности. Мы хотим и будем учиться. Осенью мы открываем у себя в станице Троицкой колхозный университет.

Мы читали доклад **А. М. Горького** с'езду писателей и особенно правильными считаем следующие его слова: «Ни драма, ни роман не дали достаточно яркого образа советской женщины, свободно и отлично действующей во всех областях строительства социалистической жизни».

Правильно, Алексей Максимович! Золотые ваши слова о нас. Они придают нам еще больше веры в наши силы, поднимают *на новую борьбу за дело социализма».*

К поэтам женщины обращаются с просьбой дать новые песни колхозной деревне. — «С песней работать легче и жить веселей».

«И еще просим мы вас насчет пьес. Почти во всех колхозах уже есть театры, а **пьес подходящих нет. Напишите для нас** *пьесы покороче и повеселее.*

Ответа от вас, — заканчивают свое письмо колхозницы, — ждем не через почту, а через наш станичный книжный магазин и наши колхозные книжные киоски».

* * *

Ал. Толстой свой доклад, прочитанный на вечернем заседании, посвятил технике и технологии трудного драматургического искусства. Он говорил о специфике драматургии, о ее законах, языке, образах.

Прежде всего, о языке, о фразе, кристаллически точной и ясной, которая должна звучать со сцены.

Шаманское отношение к слову, словесная эквилибристика еще не вытравлены из наших пьес. Язык — оружие мышления. Обращаться с языком кое-как, значит и *мыслить кое-как*, значит не доводить пьесу до зрителя. И это еще часто бывает.

— Советский роман уже завоевал мировые позиции, — говорит Ал. Толстой, — про драматургию этого сказать пока нельзя. А между тем, какие огромные возможности раскрыты перед нею. Они должны быть использованы в полной мере. **Советская драматургия должна иметь такие же высокие показатели, как и все социалистическое строительство.**

С большим под'емом и теплотой встретил с'езд появление на трибуне делегации театральных работников — **Таирова, Берсенева, Бирман, Баталова, Бравина** и др. Яркая речь Таирова прерывалась неоднократными аплодисментами. (Речь тов. Таирова печатается в сегодняшнем номере «Правды»).

С приветствием с'езду выступил также *профессор* **Лапиров-Скобло**.

После доклада Ал. Толстого начались прения. Речи выступавших товарищей: Ромашова, Билль-Белоцерковского, Афиногенова, Лавренева — печатаются в сегодняшнем № «Правды». Речь т. Щупака будет напечатана завтра.

За активное участие системы Сельхозбанка в социалистической стройке.

Из речи тов. Рудзутака на совещании управляющих конторами Сельхозбанка.

Товарищи!

Дело перестройки сельского хозяйства занимает, как вам известно, огромное место во всей нашей работе. Роль, которую играет Сельхозбанк в этой перестройке, исключительно велика. Кредитуя мероприятия по технической реконструкции сельского хозяйства, финансируя капитальное строительство наших совхозов, МТС, колхозов и т. д., Сельхозбанк тем самым непосредственно участвует в повседневной нашей работе по развитию сельского хозяйства, по его социалистической переделке, по перевоспитанию многомиллионной массы колхозников в работников нового, социалистического общества.

Поэтому нельзя ни на одну минуту забывать о том, что вы, товарищи, являетесь работниками одного из самых ответственных и в то же время самых трудных участков советского строительства, что ваша работа имеет не только узко техническое, но и огромное политическое значение, и как только вы это упустите из вида, вы неизбежно впадете в узкое делячество и за мелкими повседневными вопросами проглядите основу вашей работы.

Большие прорывы и недочеты в работе банковской системы об'ясняются главным образом тем обстоятельством, что вы это политическое содержание в вашей практической работе часто упускаете из вида.

Не допускать бесланового и беспроектного строительства.

Выступавшие здесь товарищи говорили о недочетах планирования. Действительно, это один из самых больных вопросов. Наше хозяйство не может двигаться вперед достаточно быстро без хорошего, правильного плана, без правильной организации выполнения этого плана. Но надо, к стыду наших с.-х. организаций, сознаться, что это условие ими еще плохо осознано и еще хуже применяется на практике.

Возьмем план капиталовложений в сельское хозяйство. От того, насколько правильно он составлен и проведен в жизнь, зависят правильная уборка хлеба, сохранение зерна, зимовка, сохранение и развитие поголовья скота. В конечном счете — это вопрос успешного проведения всех мероприятий сельского хозяйства.

Но если годовые планы строительства попадают на место только к августу, если по такой громадной, важнейшей в сельскохозяйственном отношении республике, как Украина, до сих пор составлена только половина всех планов капиталовложений, то ясно, что никакого действительного влияния на развитие сельского хозяйства эти планы не имеют. Сейчас уже вторая половина третьего квартала, а, например, по Средней Волге уточненными планами капиталовложений предприятия обеспечены лишь на 50—60 проц. В ЦЧО—такая же картина.

Наши советские организации в республиках, областях и краях должны все время следить за тем, чтобы сельское хозяйство свои задания своевременно выполняло. Им необходимо подтягивать и центральные организации, если они не дают к сроку плана капиталовложений. Существует прямое распоряжение правительства о том, что Сельхозбанк не имеет права финансировать внеплановое и бессметное строительство.

Однако в то время, когда половина плана еще не доведена до предприятий, по ряду областей уже за первое полугодие истрачен не только весь годовой лимит по бюджету, но и значительные средства сверх этого лимита.

Это могло случиться лишь при условии, что банковские органы плохо выполняют возложенные на них обязанности. Вместо того, чтобы бороться за укрепление финансовой дисциплины, вы помогаете хозяйственникам не выполнять директив правительства. Банк долгосрочного кредитования, который должен помогать исправлять ошибки плохо работающих земорганов, на деле является прямым пособником этой беспдановой и бессметной системы работы. В результате мы от вкладываемых средств не имеем того эффекта, который имели бы все права ожидать.

Банк кредитует внеплановые и не имеющие смет стройки еще очень часто и потому, что на него нажимает директор треста или председатель областного или краевого исполкома. Кредитует потому, что управляющий отделением или конторой Сельхозбанка хочет жить в мире со своим местным начальством. В результате получается, что рука руку моет и обе грязные.

Здесь говорилось уже, что мобилизация внутренних ресурсов госпредприятиями сельского хозяйства—вопрос очень важный. Однако до сих пор громадный процент предприятий не имеет даже планов мобилизации внутренних ресурсов.

Сигнализировала ли система Сельхозбанка о том, что в данной области, республике или крае расходуют на капиталовложения только государственные средства, а свои внутренние средства не мобилизуют, о том, что на местах даже плана мобилизации внутренних ресурсов нет? Об этом почти ничего не слышно. Это значит, что органы Сельхозбанка на местах работают по трафарету: получили свой план и, по пред'явлении счетов, выдают соответствующим трестам или предприятиям в пределах установленных лимитов средства. Выдают деньги и считают, что они добросовестно выполнили свой партийный и советский долг и что больше от них ничего не требуется. Но это далеко не так. Работники Сельхозбанка не могут быть только кассирами, которые аккуратно выдают деньги, они обязаны быть активными строителями сельского хозяйства, следить за тем, во что и как вкладываются государственные деньги.

Они призваны осуществлять контроль рублем и поэтому должны смотреть, жизненно ли данное предприятие или нет, убыточно оно или нет, что оно дает государству в ответ на те средства, которые государство в него вкладывает, что оно вкладывает в виде собственных ресурсов? Если предприятие проедает свои средства и люди в нем не умеют хозяйничать, то надо и самим и других заставить подумать над тем: продолжать ли его финансирование или надо принимать какие-то радикальные меры, чтобы излечить его, изменить систему ведения данного хозяйства или, может быть, просто сменить руководство.

Как только вы, работники Сельхозбанка, забываете о том, что вы являетесь строителями сельского хозяйства, а не простыми кассирами, как только вы перестаете интересоваться тем, что получается в результате вложений в сельское хозяйство, вы превращаетесь в мертвый механизм, который большой пользы нашему советскому государству и социалистическому строительству не приносит. Этого вы никогда не должны упускать из вида.

Вместе с тем, было бы ошибочно думать, что все планы и титульные списки, которые спущены, полностью доброкачественны и по ним можно смело строить. Далеко не так. Об этом свидетельствуют многократные изменения планов и титульных списков. Ведь не редкость, когда в течение квартала и даже месяца титульные списки меняются по 3—4, а то и по 6—8 раз. Это значит, что списки составлены с потолка, что они не соответствуют нуждам хозяйства. Они составлены людьми, оторванными от того конкретного хозяйства, для которого они составлялись. Часто самые нужные работы, с готовностью уже до 60—70 проц., не попадают в списки, а новые стройки или сооружения, не особенно еще нужные хозяйству, попадают. Директор МТС или совхоза всеми правдами и неправдами будет заканчивать ту стройку, которая ему больше нужна, хотя бы в титульный список она и не попала. Что же остается делать банку долгосрочного кредитования? Он должен или незаконно финансировать стройку, которая не попала в титульный список, т. е. совершить прямое преступление, или не финансировать и сообщить о том, что директор совхоза или МТС совершает преступление. Здесь мы видим, как плохое планирование дезорганизует работу трестов, МТС и совхозов, работу контор Сельхозбанка, как иногда хозяйственная целесообразность строительства не отвечает тем титульным спискам и планам, которые спускаются в предприятие.

Что сделал в этом отношении Сельхозбанк? Почти ни одно отделение Сельхозбанка не давало сведений о том, что титульные списки составлены с ошибками, что финансировать надо иногда вовсе не те стройки и предприятия, которые вошли в титульный список, а совершенно другие. Таких сведений мы не имеем потому, что местные работники банка не считают себя участниками социалистической стройки, а считают себя простыми исполнителями, которые в пределах лимитов отпускают определенные суммы тому или иному предприятию. Они таким образом самоустраняются от участия в социалистическом строительстве, и в результате банк не выполняет данных ему партией и правительством директив. Конечно, ошибочно было бы говорить, что все, что делается земельными органами, — неправильно, мы не должны сами на себя клеветать.

Но все же в этой работе есть большой процент брака, а вы его не ищете, хотя обязаны искать и о браке сигнализировать. Не делая этого, вы не выполняете своих прямых государственных обязанностей.

Как же проходит капитальное строительство в сельском хозяйстве?

В большинстве случаев сведения, которые получаются на основе балансов, слишком устарелые. Баланс дается в лучшем случае через год после исполнения самой работы, и ясно, что его данные не могут являться материалом для непосредственного текущего оперативного руководства. Сельхозбанк — это орган, который должен изо дня в день, из месяца в месяц следить, как выполняется план строительства. Он видит, например, что на 1 июля 1934 г. громадное большинство сельскохозяйственных строек израсходовало средства в гораздо большей степени, чем выполнен физический об'ем работы. Совершенно ясно, что в строительстве происходит что-то неладное; налицо имеется удорожание строительства, но никто этого еще не знает. Здесь нужен критический подход и голос Сельхозбанка, а мы его почти не слышим.

Часто говорят, что расходы превышают физический об'ем потому, что сметы и планы не соответствуют действительной стоимости строительства. Это в большинстве случаев не выдерживает никакой критики. Строители пользуются такими разговорами как отговоркой для оправдания своей собственной бесхозяйственности. Очень часто говорят, что недостаток стройматериалов удорожает строительство. У меня имеются данные по ряду районов, которые показывают, что и излишек стройматериалов не спасает от удорожания. Так, по Новосибирскому тресту стройки обеспечены фондированными стройматериалами (лес) на 275 проц., местными материалами (лес) на 400 проц., а программа выполнена на 17 проц.

А при выполнении программы на 17 проц. средств использовано 26 проц. Почему получился такой перерасход, никто не может сказать. Сообщил ли банк правительству о таком положении вещей? Нет. Значит, он не ведет действительной борьбы за удешевление строительства. То, что продолжается оплата счетов, не соответствующих действительной плановой стоимости стройматериалов, можно об'яснить только прямым попустительством со стороны Сельхозбанка. Отказывая в оплате счетов, которые по закону оплате не подлежат, банк поступил бы, как настоящий распорядитель средствами социалистического государства. В прошлом году строительство дало удорожание на 25 проц. В этом году, несмотря на задание правительства, можно ожидать повышения стоимости строительства, если за снижение его не взяться сейчас же по-настоящему. На сельскохозяйственных стройках в 1934 г. надо снизить стоимость строительства на 12 проц. Но у нас по Союзу есть тресты, которые в прошлом году строили хорошо и имели повышение стоимости не на 25 проц., а на 2—3 проц. Конечно, этим трестам снизить себестоимость в 1934 г. на 12 проц. будет трудно. Но есть тресты, которые в 1933 г. превысили стоимость строительства на 94 проц. против 1932 г. Этим трестам выполнить задание в 12 проц. ничего не стоит. Дать им такой незначительный процент снижения есть издевательство над директивой партии и правительства. А Наркомзем и Наркомсовхозов механически спустили директиву о снижении стоимости строительства кругом на 12 проц. вместо того, чтобы каждому тресту дать конкретное задание. Сельхозбанк же об этом никому не сигнализировал, хотя он должен помогать партии и правительству улучшить дело сельскохозяйственного строительства.

В промышленности более крупные об'екты, лучше организовано хозяйство, а в сельском хозяйстве работа распылена по множеству точек и участков. Тем более активно мы должны улучшать организацию этого дела, а не являться механическими исполнителями, тем более, что правительство сейчас принимает все меры для прекращения бесланового, бессметного и беспроектного строительства. Вам, очевидно, известно постановление Совнаркома о том, что в отношении бесланового строительства нами принимаются еще большие ограничения, чем до сих пор. Вы обязаны помочь провести в жизнь это постановление.

Неустанно укреплять финансовое хозяйство колхозов.

Перехожу к вопросу о работе Сельхозбанка с колхозным сектором.

Как вы видели, у нас с планированием, правильным ведением хозяйства, режимом экономии в госсекторе—МТС и совхозах—обстоит не особенно благополучно. То же надо сказать и про колхозы. А между тем роль банка на этом участке еще ответственнее. Недочеты в вашей работе с колхозами более опасны потому, что колхозы мы хозяйственно воспитываем, переделывая и психологию самого крестьянства.

Нужно, чтобы колхоз чувствовал в лице государства и его учреждений организатора, советника, воспитателя. Добились ли мы этого от наших финансово-банковских учреждений? Еще очень мало.

Банковцы еще очень плохо знают колхозное хозяйство. Они не всегда еще вполне понимают целесообразность мероприятий, которые проводятся в колхозном секторе, и плохо ими даже интересуются. Такое безразличное отношение к тому делу отзывается на работе еще вреднее, чем в области государственного сектора. Там мы являемся хозяевами совхоза или МТС, можем сменить в любое время директора или начальника политотдела, можем хозяйственно реорганизовать, разбить на несколько частей, словом, принять все меры, которые нам кажутся целесообразными.

Колхозом так распорядиться нельзя, и поэтому помощь, оказываемая колхозам по финансовой линии, должна быть организована и продумана весьма тщательно. Но, к сожалению, на этом участке мы сильно отстаем.

Средства для колхозного строительства черпаются из колхозных неделимых фондов. В руках государства, в руках банка сосредоточивается кредитование сельского хозяйства. Сельхозбанк, конечно, не является прямым распорядителем кредитов и собственных средств колхозов, он не может сказать колхозу: не строй овин, а строй конюшню. Но он должен стать советником и руководителем, который помогает колхозу правильно расходовать средства. Именно своей финансовой помощью и хозяйственным советом он должен помочь решить задачу, которая еще не разрешена,—это привлечение внутренних средств самого хозяйства, организация вкладов колхозов в Сельхозбанк, как в свое учреждение, которое помогает хозяйству. Трудно перестроить хозяйство на новой технической базе только с помощью бюджетных ассигнований и неделимых фондов, если вся колхозная масса не вложит добавочных средств. Гораздо легче и с большим успехом будет проводиться техническая реорганизация хозяйства в колхозах, если колхоз крепко почувствует, что отделение Сельхозбанка—его учреждение. Старый Земельный банк был банком, от которого «в землю войдешь». Сельхозбанк же является настоящим другом и помощником колхозника, где он может не только хранить свои неделимые фонды, но также все излишки средств, которые могут быть обращены на колхозное строительство. Этого нельзя достичь механической, чиновничьей работой, тут надо участвовать наравне с политотделами, партийными и советскими организациями в общей работе по укреплению колхозов.

Перед нами стоит одна из крупнейших задач — укрепление животноводства. Государство дает на это громадные средства, большая работа ведется по кредитованию животноводства в колхозах и у колхозников. Казалось бы, что Сельхозбанк на это дело должен был обращать особое внимание и явиться главным помощником партийных и советских организаций. Ведь он кредитует колхозы и отдельных колхозников. На самом же деле получается так, что банк по плану колхозу выдает положенный кредит, а что дальше с этим кредитом делается — это его не касается. Банковский работник, как честный чиновник, ни одной копейки из этого кредита не задерживает, отдает все, что следует по директиве вышестоящего начальства, но использование денег не проверяет. Например, Первомайский колхоз в Татарии получил 4.000 руб. кредита на покупку телок для колхозников. Председатель колхоза сговорился с председателем сельсовета и из этой суммы 1.200 руб. пустил на погашение задолженности по займу, который колхоз покупал, но не оплатил. Итак, третья часть кредита на животноводство пошла не по назначению, а лишь остальное, в лучшем случае, будет использовано по прямому назначению. А где же был Сельхозбанк? Отделение честно выдало 4 тыс. руб. на покупку телок и на этом успокоилось. В результате в конце хозяйственного года мы будем считать, что план кредитования по животноводству выполнен на 100 проц., а сколько из этих денег действительно пошло на покупку телок — неизвестно. Разве не довольно часты случаи, когда купленные в кредит телки, даже племенные, не выращиваются, а режутся и идут в пищу? Есть ли в этом деле какой-нибудь контроль со стороны Сельхозбанка? К сожалению, нет. Вот почему наши конторы Сельхозбанка на местах являются очень часто только механическими исполнителями, а не сознательными участниками социалистического строительства.

С этим положением нужно покончить. Вы, работники Сельхозбанка, действительно должны осознать и почувствовать, что вы являетесь работниками социалистического государства и работаете на одном из ответственнейших участков реконструкции сельского хозяйства. Вы являетесь глазом правительства на местах, и с вас будут требовать отчета за бесхозяйственность, если вы ее не сумеете своевременно предупредить.

Некоторые умничающие люди, которые стоят далеко от практической жизни, ставят вопрос о ликвидации банков долгосрочного кредитования. Я думаю, что это происходит по недомыслию. Не может быть речи не только о ликвидации спецбанков, а, наоборот, роль их в дальнейшем должна еще больше усилиться. Чем больше мы вкладываем средств в строительство нашего народного хозяйства, тем больше должен быть контроль за тем, как эти средства расходуются.

При чем одним из важнейших рычагов этого контроля должны являться спецбанки, в частности, в области сельского хозяйства — Сельхозбанк.

Но успешно выполнить возложенную на вас партией и правительством задачу вы сможете только при том условии, если перестроите всю свою работу на новых началах, если ежеминутно будете помнить о том огромном хозяйственном и политическом значении, которое имеет ваша работа. (ТАСС)

„ОСТОРОЖНОСТЬ".

(От винницкого корреспондента «Правды»).

Это слово в большом ходу в Винницкой области, когда идет речь о свекле. «Осторожно» определяют вес корней, «осторожно» составляют сводки и, наконец, не-нее «осторожно» определяют среднюю урожайность. С проповедниками мудрой осторожности можно встретиться всюду, — начиная с колхоза и кончая областными организациями. «Теоретически» эти настроения обосновал в беседе с нами видный работник обкома:

— В прошлом году мы просчитались с определением урожайности. Нужно подойти в этом году к делу так, чтобы не просчитаться снова!

Не будем дискутировать о прошлогодних просчетах винницких организаций. Ограничимся одним лишь замечанием: недобор свеклы был вызван не плохим урожаем, а большими потерями. Это обстоятельство нынче в области деликатно обходят, хотя оно, как мы сейчас увидим, тесно связано с природой винницкой «осторожности».

Первого августа Сахаротрест опубликовал сводку, судя по которой средний урожай свеклы на колхозных плантациях был равен 64,6 центнерам на гектар. Первого же августа политсектор МТС получил от 84 свеклосеющих МТС (всех свеклосеющих МТС 99) сведения о состоянии плантаций. Эти сведения чрезвычайно интересны. 41,7 проц. плантаций были оценены как хорошие, со средним урожаем в 150—160 центн.; 39,6 проц. — как средние, с урожаем в 100 — 105 центн., и только 18,7 проц. были признаны плохими, но и здесь средний урожай определили в 60 центн.

Итак, Сахаротрест 1 августа определял среднюю урожайность всех колхозных плантаций в 64,6 проц., а МТС сообщали, что такой урожай на это число имели только самые худшие, плохо обработанные плантации, составляющие незначительное меньшинство (18,7 проц.). Другими словами, низшую урожайность небольшой части плантаций Сахаротрест первого августа выдавал за общую среднюю урожайность свеклы на колхозных плантациях!

Продолжим сравнения: 1 августа Сахаротрест определял валовую урожайность свеклы со всех колхозных плантаций в 14 млн центнеров, а в упомянутых уже 84 МТС, приславших сведения (т. е. не все свеклосеющие МТС области), валовая урожайность свеклы составляет 20.359 тысяч центнеров! Считая с остальными МТС, можно, не рискуя преувеличить, полагать, что 1 августа на колхозных плантациях области было по меньшей мере 25,5 млн центнеров свеклы. Если прибавить к этому свеклу на плантациях единоличников и учесть прирост за декаду (с 1 по 10 августа), то получится, что на колхозных и единоличных плантациях к 10 августа имелось более 34 миллионов центнеров свеклы, т. е. больше, чем Сахаротрест рассчитывает получить в сентябре—октябре (около 30 миллионов центнеров). А ведь с 10 августа до начала копки свекла значительно прибавится в весе!

Плантации во всей области выглядят прекрасно. Корень свеклы в 1 — 1,5 кг и даже в 2 килограмма—отнюдь не исключение. Поэтому оценки урожайности свеклы, данные МТС, хотя и значительно выше сахаротрестовских, но тоже, пожалуй, преуменьшены: и здесь сказалась «осторожность».

«Осторожность» областных организаций, боязнь «переоценить» урожай и тем более очень сомнительные манипуляции Сахаротреста в действительности расшифровываются как страховка от потерь при уборке и переработке свеклы. Прошлогодний опыт не прошел бесследно для Сахаротреста и областных организаций: если они не научились бороться с потерями, то в сокрытии потерь достигли заметных успехов.

Г. ОКУЛОВ.

О том, чего не знает райком.

(От специального корреспондента «Правды»).

Ежедневно политотдельская газета «Ударник полей» (Аксайская МТС, Сталинградский край) славословит колхоз «Красный герой». Он-де герой не только по названию, но и по существу, он-де лучший из лучших, он-де уровень, до которого всем остальным колхозам надлежит подняться, и т. д. и т. п. На красной доске в газете колхоз неизменно занимает первое место.

Так как дела в Аксайской МТС далеко не блестящи, то желание посетить «Красный герой» было, естественно, велико. Приехали. Знакомство началось с тока второй бригады. Прямо на мокрую землю здесь свалено до 200 центн. ржи. Кругом чернеют кучи уже испортившегося хлеба. Зерно лежит больше двух недель. Кое-где рожь покрыта густой зеленью всходов. Не меньше зерна лежит на остальных токах. По грубым подсчетам, на токах осело более 700 центн. ржи и пшеницы.

Председатель колхоза тов. Колганов показывает «наиболее образцово убранное поле». На «образцовом» поле — масса неубранных колосьев. Подсчеты показывают, что здесь погибает по 2 центн. пшеницы на каждом гектаре.

У стана третьей бригады стадо волов свободно пасется по... скошенной пшенице.

Колхозники «самого передового» колхоза с грустью рассказывают, что они почти ничего не знают о зернопоставках. Об этом никто не растолковал им. Массово-раз'яснительной работы в колхозе не проводят. Стенгазет нет ни в одной бригаде.

Так выглядит «передовой» колхоз. Можно себе представить, что делается в остальных. И тем не менее начальник политотдела Аксайской МТС Старков считает, что дела у него идут неплохо. Правда, из 24 исправных, хороших молотилок работает только 7, но «больше не требуется» (почему—неизвестно!). Правда, больше 600 центн. хлеба лежит на токах, но, «видите ли, половина автомашин стоит, а механик загулял в Сталинграде. Что я с ним поделаю?»

Старков беспомощно махнул на все рукой. Он не хочет даже отвечать на многочисленные запросы политсектора МТС о причинах слабого хода уборки и хлебосдачи. Он знает, почему запутана отчетность в МТС,— с его молчаливого согласия учетом ведает главный бухгалтер Кузьмичев, бывший владелец местной паровой мельницы. Старков знает, что старший агроном Караголов — бывший крупный кулак, а старший механик Шабуров, срывающий работу автомашин, комбайнов и молотилок,—близкий друг и собутыльник Караголова. Начальник политотдела также отлично знает, что в ряде колхозов Аксайской МТС (в колхозе им. Ленина, в котором сейчас из 500 трудоспособных выходит на работу ежедневно не более 400 человек) имеются кулаки. Он также знает, что правления колхозов не выдают колхозникам огурцы, причитающиеся по трудодням. Эти огурцы продают их же законным владельцам, как на базаре.

И. АМУРСКИЙ.

Страна с неослабным вниманием следит за работой с'езда.

„День писательского с'езда" на заводе.

ЛЕНИНГРАД, 27 августа. (Корр. «Правды»). Общезаводский «день писательского с'езда» состоялся сегодня на заводе «Промтехника». 6.500 рабочих слушали доклады и участвовали в беседах о с'езде.

—o—

Вот тема для интереснейшей книги!

ДНЕПРОПЕТРОВСК, 27 августа. (Корр. «Правды»). На металлургическом гиганте—заводе им. Петровского—работы с'езда писателей горячо обсуждаются рабочими-ударниками. На собраниях высказываются пожелания, чтобы завод им. Петровского, вписавший не одну блестящую страницу в историю борьбы за сталь и чугун, был скорее показан в художественной литературе. В этом году должна была выйти первая книга по истории завода, но это дело заглохло.

— Многие ли знают, что один из первых революционных кружков зародился на бывшем Брянском заводе, ныне заводе им. Петровского?—спрашивает мастер мартеновской печи № 3—4 тов. Воронежский.—На заводе немало орденоносцев. Можно было бы написать интереснейшую книгу.

Ценный опыт „Путевки".

СВЕРДЛОВСК, 27 августа. (Корр. «Правды»). С начала работы с'езда в области организовано 10 новых творческих литературных кружков. Число кружковцев увеличилось до 820 начинающих писателей и поэтов.

Особого внимания заслуживает ценный опыт «Путевки», газеты политотдела Пермской ж. д. Эта газета напечатала рассказ Горького «Скуки ради», в котором Алексей Максимович, рисуя жизнь маленькой, глухой станции дореволюционной России.

В ответ на рассказ Горького в редакцию поступает много откликов рабочих - железнодорожников. Сопоставляя жизнь станции, описанной Горьким, с жизнью станций сегодняшнего дня, они ярко и правдиво показывают в своих письмах, насколько непохожа наша советская станция на станцию дореволюционной России.

—o—

8 тыс. шахтеров на литературных вечерах.

ШАХТЫ, 27 августа. (Роста). На ведущих механизированных шахтах—«Артеме», им. ОГПУ, Октябрьской, «Пролетарке» — проводятся массовые литературно-художественные вечера. На них широко обсуждаются задачи с'езда писателей СССР и доклад А. М. Горького.

Горняки проявляют огромный интерес к вопросам литературы. В вечерах приняли участие свыше 8 тыс. шахтеров.

Литературный декадник.

КИЕВ, 27 августа. (Корр. «Правды»). В Киеве, Харькове и других городах Украины в начале сентября состоится литературный декадник популяризации итогов работы с'езда писателей. Будут проведены общегородские собрания партийного и комсомольского актива, рабочие собрания на основных предприятиях с докладами писателей — делегатов с'езда. Состоится также встреча педагогов и учащихся с советскими писателями.

На Краснознаменном заводе вышла заводская литературная газета, посвященная писательскому с'езду. Газета в виде аншлага дает цитату из приветствия т. Постышева всеукраинскому с'езду писателей: «Наша литература — не песня мечты, не абстрактный порыв, а меч борьбы за дело социализма». Газета поместила статью «Правды», посвященную докладу т. Горького, информацию о росте литературных изданий и книг в СССР, а также произведения своих заводских поэтов и очеркистов. Имеются очерк начинающего писателя Таллаевского об одном ударнике завода, баллада «О трех героях», написанная рабочим токарем завода т. Ударным и отрывок из новеллы «Поединок» молодого выдвиженца завода т. Донченко.

На Краснознаменном заводе собрано до 300 рецензий рабочих на произведения украинских и русских писателей. Рабочие проработали такие произведения, как «Капитальный ремонт» Соболева, «Рано» Микитенко, «Аванпосты» Кириленко и др.

На заводе «Большевик» также вышла литературная страница. В ней помещены произведения рабочих завода: стихи тт. Семенова, Артеменко, Сидоренко.

ПЕРВЫЙ ВСЕСОЮЗНЫЙ С'ЕЗД СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ.

ПРЕНИЯ ПО ДОКЛАДУ О МЕЖДУНАРОДНОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ.

Два источника художественной литературы.

Выступление турецкого писателя Якуба КАДРИ.

Человеческая мысль, выраженная 30—50 лет назад в поэзии, кажется нам теперь ничтожной, если не детской. Мы рассматриваем литературные произведения и произведения искусства, особенно те, которые относятся ко второй половине XIX века, как оправдательные документы наших исканий. Эти произведения — типичный продукт обществ, в которых царит хаос, обществ, не знающих настоящего общественного контроля. Они — блестящие и красноречивые свидетели упадочного общества, вырождающегося морально, интеллектуально и социально и прежде всего политически.

Возможно ли, чтобы юноша 1934 г., какова бы ни была его страна и к какому бы социальному классу он ни принадлежал, разделял страдания Вертера или Адольфа? И разве молодая женщина 1934 года заплачет над трагической фигурой мадам Бовари?

В глазах юноши или молодой девушки 1934 г. типы таких людей могут быть ценны только как исторические достопримечательности. Это утверждение правильно и для типов, созданных 20 лет назад. Тема адюльтера в буржуазной литературе, родоначальником которой в романах был Поль Бурже, а в театре Александр Дюма-сын, вызывает у нас только улыбку презрения.

Мы с нетерпением ждем от поэтов и художников нового слова, но чем будет это новое? Мы этого еще не знаем.

В некоторых странах, в том числе и в Турции, революционный художник не сумел создать ничего долговечного, действительно отражающего его время. Очевидно, что у тех, кого мы называем современным художником, способность видеть и понимать складывается еще по методам старого повествования и старого описания. Художник изучает мир точно таким, как его изучал бы художник прошлого поколения. Он поет, но мелодия его устарела. Тип героя в них построен по старым образцам.

Теперь о русской советской литературе и некоторых романах, которые я имел возможность прочесть. В них иногда повторяется все тот же бедный Раскольников. И, что особенно любопытно, самыми реальными, самыми живыми типами являются те, которые написаны по старым образцам.

Нужно прежде всего хорошо изучить и узнать эпоху, в которой мы живем. Без этого мы не способны будем создать гипотезу о значении и природе новой культуры.

Какова же эпоха, в которую мы живем? Жестокий экономический кризис. Легионы безработных, колониальные и полуколониальные народы, кровавые погромы, конференция экономического восстановления, явно или тайно вооружающиеся нации, нероновская жестокость фашизма, — вот наша эпоха. Время возложило на человечество тяжелый долг.

Наступило время, когда люди должны понять, что они зависят друг от друга. Необходимо понять, наконец, что мы все оделены одной судьбой. Эта мысль дает нам возможность совершить осуществление великого мира идей. До тех пор, пока мы не придем к этому миру идей, мы не сможем считать законченным период революции.

Как пример успехов революции и социалистического строительства следует привести Советскую Россию. В отношении же национального освобождения я укажу на республиканскую Турцию. В обеих странах еще не закончено дело внутреннего строительства, и этим об'ясняется замедление создания новых ценностей культуры.

Мы, современники, вряд ли сможем в качестве романистов-реалистов описывать людей, поднимающихся в стратосферу, людей, опускающихся в опасные глубины, людей, энергия которых создает то, что мы видим здесь, на территории советской страны, где мы находимся сейчас. Можно сказать, что эти гигантские темы — дело циклопов. «Челюскин» является эпопеей, превосходящей по своей силе легенды всех эпох. Из этого источника вдохновения целая нация может черпать интеллектуальные и моральные сокровища.

В Анатолии моя нация должна была три года бороться за свое освобождение. Весь империалистический мир стремился ее поработить. Золото и оружие были мобилизованы капиталистическим миром с целью истребления турецкой нации. Это был печальный период нашей истории.

Пушки, броневики, танки, самолеты, смертоносные орудия со всех концов угрожали жизни нашей нации, и Турция, которая в течение веков представляла лакомый кусок для всех капиталистов Европы, Турция, которой в течение веков постоянно угрожала опасность раздела ее территорий, принуждена была собрать все силы, которые у нее сохранились, и броситься на захватчиков. Она сумела с честью разбить цепи рабства, показать всему миру чудо, которое может совершить стремление к победе или смерти.

Турецкая нация одержала эту победу благодаря доблестным крестьянам. Империалистическая Европа со всей своей техникой и всеми средствами разрушения потерпела поражение на Анатолийской земле. Но это историческое событие не оплодотворило еще искусство и литературу.

Если еще нет сейчас эпического поэта, то мы верим, что он явится в будущем. К сожалению, мы не знаем эпохи, предшествовавшей появлению Гомера. Греческая мифология и история Трои не являются творчеством Гомера, и разве не естественно содействовать существованию народной литературы, содействовать периоду фольклора. До Гомера это было собрание мистических песен, которые пели в греческих храмах, любовные песни пастухов, полные фантазий, присущих классической эпохе.

Вот что нам осталось от греко-романской культуры, восхищающей нас на протяжении четырех тысяч лет. Эта культура породила нашу цивилизацию.

Почему же не верить, как сказал великий писатель Горький, в расцвет культуры завтрашнего дня, культуры, которая будет основана на записях песен и рассказов рабочих и крестьян наших дней? Они не знают еще литературного языка, а мы иногда недооцениваем их язык. Но наступит день, когда станут реальными об'единение и взаимное понимание и силы двух источников литературы, и они соединятся в счастливом и полном единении.

Голландская пролетарская литература крепнет.

РЕЧЬ голландского писателя ЛАСТ.

Товарищи, позвольте мне не только от имени революционных писателей Голландии, но в первую очередь от имени голландских рабочих-бойцов на баррикадах Амстердама и Роттердама и от имени героических мятежников с «Цевен провинсиен» передать вам горячий привет. (Аплодисменты).

Уже до начала мировой войны в Голландии существовала социалистическая литература, по своим качествам и по своей форме нисколько не уступавшая лучшим образцам буржуазного искусства. Такие писатели, как Роланд Хольст, Хартер, Ван Кален и Хейерманс, принадлежали бесспорно к величайшим поэтам нашей страны.

Если бы они не покинули своего знамени, которое они подняли против империалистической войны с самого начала ее, то мы могли бы гордиться тем, что с первых же дней войны наше искусство было непримиримо, враждебно войне.

Я хорошо помню, какое огромное впечатление произвел на нас вышедший во Фландрии военный дневник нобелевского лауреата Стенстрефельса. Хотя это не была антивоенная книга, она не призывала к восстанию, тем не менее уже одно отсутствие всякого воодушевления по отношению к войне явилось в то время почти позитивным фактором. Стихотворения Холлема, написанные простым языком, до сегодняшнего дня составляют одно из самых сильнейших средств нашей борьбы против войны.

Что касается искусства Хартера и Роланда Хольста, то оно, будучи изумительно прекрасным и богатым по мысли, в основе своей оставалось типично интеллигентским искусством, не понятным пролетариату и не оказавшим никакого влияния на массы.

Индонезское восстание 1927 года породило небольшую группу молодых революционных писателей, к которой примыкаю и я.

Буржуазная критика упрекала нас часто в том, что наше прежнее искусство по своей форме было много совершеннее, чем наши агитационные пролетарские стихотворения. Однако некоторые сборники этих стихотворений выходили в 5 тысячах экземпляров и распродавались в 3 недели, в то время как обычно том стихотворений издается всего-навсего в 200 или 300 экземплярах.

Многие из этих стихотворений сделались живым достоянием нашего пролетариата и декламируются почти на каждом крупном собрании. Наша группа держалась того мнения, что литературные произведения должны быть естественным следствием вдохновения, честности и мастерства, с которым они создаются.

Как бы там ни было, но ясность нашего стиля привела к тому, что теперь у нас есть немало писателей-рабочих, которые нашли достаточно смелости и охоты для выражения в литературной форме своих мыслей и своих переживаний. Этим мы добились того, что нам больше всего нужно в классовой борьбе: революционной и пролетарской по своему содержанию литературы, которая с успехом вступила в борьбу с халтурными буржуазными, а также социал-демократическими критиками. Нас не смущало то, что буржуазные критики часто называли наш журнал — «Линке рихтен», детской комнатой голландской литературы. Мы считаем, что молодым писателям такая детская комната необходима, чтобы они не стали беспризорными. Можно сказать, что некоторые из наших ребят выросли с необычайной быстротой. Совсем недавно я испытал огромную радость, получив от одного простого голландского матроса роман. Его роман я могу смело причислить к лучшему из всего того, что мне вообще приходилось читать за последние годы. К сожалению, при настоящих условиях издание этой книги в Голландии неосуществимо.

Тов. Радек сказал о расколе внутри буржуазной литературы следующее: «С каждым днем все более усиливается ее разделение на 3 сектора: на литературу загнивающего капитализма, неминуемо эволюционирующую к фашизму, нарождающуюся пролетарскую литературу и на литературу колеблющихся элементов, часть которых уже к нам идет, часть же придет к фашизму, если не преодолеет своих колебаний».

Этот раскол обнаруживается очень ясно также и в Голландии. В то время как одна часть голландских писателей или открыто перешла на сторону фашизма, или, как говорит Радек, подготовляет этот переход уже теперь, начиная прославлять национальное прошлое и колониальное господство, некоторые другие из значительнейших писателей Голландии все более и более склоняются на нашу сторону. Назвав ряд крупных голландских писателей, создающих революционные произведения (Секери, Альберт Хальман и др.), т. Ласт заявляет:

Голландия — маленькая страна, но ее колонии насчитывают 65 миллионов населения. Поэтому борьбу за освобождение колоний мы рассматриваем как нашу важнейшую задачу.

Тем отраднее отметить, что именно из колонии вышел еще один значительный писатель — тов. А. де-Ком. Год назад он был арестован в г. Суринаме. Демонстрация рабочих, требовавших его освобождения, самым беспощадным образом была разогнана полицией. Было много раненых и убитых. После его изгнания из г. Суринамы амстердамские рабочие оказали тов. А. де-Кому горячий прием.

Советские писатели в Голландии не только известны. Они являются источником воодушевления для нашего пролетариата, и можно сказать, что Горький—наиболее популярный писатель Голландии.

Товарищи, позвольте мне еще раз передать вашему с'езду революционный привет от имени трудящихся масс Индонезии, Суринамы, Фрисландии и Фландрии. (Аплодисменты).

Дружеский шарж худ. Кукрыниксы.

ОСКАР МАРИЯ ГРАФ.

Фольклор—наше литературное наследие.

РЕЧЬ латышского писателя ЛАЙЦЕНА.

Народы нашего обширного и разнообразного Советского Союза—не бедные народы. Народы Ср. Азии и Сибири имеют свой богатый фольклор. Армяне, грузины и другие народы имеют, кроме того, старую художественную литературу. Этим богатством раньше владели главным образом буржуазия, кулаки и духовенство, используя его в своих целях.

Мы, народы Севера, литовцы, эсты, финны, латыши, можем также говорить об огромном богатстве фольклора. Латышский народ имеет 40.000 собранных и напечатанных народных песен. Это—поэзия, которую создало главным образом крестьянство, находившееся под вековым игом феодализма. Это—поэзия, которая не признает пессимизма и покорения.

В ней есть целый ряд исторических сведений. Там отражен бунт крестьянства против феодалов, помещиков и угнетателей родового порядка—так называемых хороших людей, бояр. Это—поэзия трудового процесса и жизни.

Если итальянский фашизм может в своей идеологии и церемониале воспользоваться древнеримским материалом, если гитлеровцы возвращаются к рыцарским романам или Нибелунгам, то латышский фашизм не имеет древних рыцарских героев-завоевателей. В погоне за идеологическими и за «философским осмысливанием» своего существования он принужден прибегать к фольклору, мифологии сказочных героев и зверей.

Из древнеродовых отношений, отображенных в фольклоре, фашизм старается возродить настроения боярско-феодальные, как элементы национального ренессанса. Народная песня применяется на все лады, и дело доходит до того, что создается новая вера рядом с лютеранством и католичеством, вера в древнеязыческого латышского бога.

Вообще на Прибалтике в идеологии фашизма фольклор, как укрепитель национально-реакционного духа, имеет немалое значение. Но тот же фольклор прекрасно можем пустить в бой и мы как оружие против буржуазии, против фашизма.

Наш фольклор, песню нашего трудового народа, мы не оставим буржуазии. Это—наше революционное, культурное и литературное наследие. Только, к сожалению, у нас до самого последнего времени в этом отношении нехватало коммунистической установки.

Карельско-финские советские писатели, в частности поэт Виртанен, прекрасно поняли огромное художественное культурное значение народного эпоса Калевалы. В своем творчестве Виртанен исходил из этого народного векового поэтического опыта.

Наш первый латышский, настоящий революционный поэт и безбожник Эдуард Вейденбаумс по мастерству стиха, точности, насыщенности, организованности и целеустремленности—ученик Горация.

Что из этого следует? Оказывается, что в общем только те из наших советских латышских писателей удовлетворительно владеют мастерством слова, которые более или менее освоили как фольклор, так и классиков, которые серьезно работали и работают над литературным и культурным наследством как своего, так и прочих народов.

Я говорю как пишущий на латышском языке. Мы в Советском Союзе принадлежим к тем народам, которые не имеют территориального об'единения. Мы не можем выступать как представители своей советской республики или области. Но наша литература, советская литература литовцев, эстов, латышей—это та же действенная культурная сила, которая не только занимает свое место среди народов Советского Союза, но и влияет на массы рабочих и крестьян Прибалтики. (Аплодисменты).

Чем выше будут наша культура и художественное качество нашей литературы здесь, тем неотразимее ее влияние за рубежом.

В Латвии в последнее 10-летие выявился целый ряд молодых революционных писателей. Это—большей частью рабочие от станка. Они пока неизвестны советскому читателю, но они доказали, что в капиталистических странах уже существует пролетарская литература, они доказали, что являются настоящими борцами, ибо нет среди них таких, которые бы не сидели или не находились сейчас в фашистских тюрьмах. Их мы приветствуем как стойкий авангард, которому должны следовать многие в борьбе против фашизма.

Нужно отметить также все усиливающееся влияние советской литературы на мелкобуржуазные литературные круги Латвии.

Само собой понятно, что темой в советской нашей литературе должно быть все в советской стране. Но, кроме того, нам необходимо охватить положение всего Балтийского побережья: борьбу нашего пролетариата и крестьянства, отношения лимитрофов к Советскому Союзу, социал-фашизм, не говоря уже о жизни рабочих, о тюрьме и подполье.

Проблемы социалистического строительства у всех советских народов и писателей — общие, и общая наша задача — литературным оружием бороться за настоящего социалистического человека и за социалистический уклад во всем мире.

Нужно окончательно признать, что только глубокой эрудицией, высокой художественной культурой, знанием своего дела мы сумеем повести за собой колеблющиеся элементы в капиталистических странах и заставим врагов признать авторитет социалистического реализма.

„Вам не нужно искать своего читателя".

РЕЧЬ американского писателя Роберта ГЕССНЕРА.

Я приветствую вас от имени революционных писателей Америки.

Наши молодые революционные писатели смотрят на вашу литературу, как младенец смотрит на мать, следя за каждым ее движением, прислушиваясь к каждому ее слову. Но особенно мы прислушиваемся к словам Максима Горького, которого почитают все американские писатели. (Аплодисменты). К нему обращаемся мы с приветом и с просьбой посетить нас. Мы обещаем, что это посещение будет триумфальным шествием в отличие от постыдного приема, который был оказан ему много лет назад.

Разница языков не должна препятствовать нашей духовной близости. Мы хотели бы упрочить эту близость и надеемся, что вы поможете нам в этом. Наши проблемы —одновременно и ваши проблемы. Мы должны соединить наши силы, чтобы создать мировую пролетарскую литературу.

Я приехал в СССР после 6-недельной поездки по Европе. Там я видел немецких и австрийских писателей, изгнанных из своего отечества, вырванных из родной почвы. Фашизм лишил их возможности печататься.

Но не только в странах открытого фашизма не печатают революционных книг. У нас, в Америке, также становится все труднее и труднее печататься революционному писателю.

Зато какое огромное количество книг выходит в Советском Союзе! Как много здесь читают. Вам, советские писатели, не нужно искать своего читателя, который прислушивался бы к вашему голосу, к вашему революционному призыву.

Как рядовой революционный писатель я хочу остановиться на вопросах, которые характерны для всего революционного движения Америки. У нас, в Америке, нет ни одного марксистского критика, который помогал бы революционным писателям в вопросах литературной техники.

Макс Истмен предан забвению. Мы его больше не считаем своим. Джо Фримен, самый талантливый и влиятельный из американских марксистских критиков, пишет слишком мало.

Джон Дос-Пассос — яркий пример того, как выдающиеся американские писатели не получают со стороны критики ни помощи, ни руководства. Дос-Пассос пишет не для пролетариата, а для мелкобуржуазной интеллигенции Америки. Американские рабочие не читают Дос-Пассоса. И никто в Америке не об'яснил ему, чем это вызвано. Некоторые из наших догматических критиков в своем ультра-сектантском рвении толкают его в сторону враждебного лагеря. Критики, пишущие о Дос-Пассосе, должны были бы учитывать специфику его творчества, а не причислять его к врагам революции. Правильно сказал в своем докладе т. Радек, что очень легко отбросить писателя, но очень трудно перевоспитать его. Ленин говорил, что первая обязанность большевика—уметь об'яснить.

Дружеский шарж худ. Кукрыниксы.

Тов. ПАВЛЕНКО.

РАДОСТЬ ТРЕБУЕТ БОРЬБЫ.

РЕЧЬ украинского писателя Арк. ЛЮБЧЕНКО.

Дитя, рожденное гниющим, уродливым монополистическим капитализмом, очень худосочно. Может быть поэтому оно так жаждет крови. Я бы сказал больше—я бы сказал, пользуясь словами Барбюса: «У этого новорожденного — глаза мертвеца».

В Чикаго на свиных фермах во время кормежки играет оркестр. Это возбуждает аппетит у животных. Уродливому порождению капитализма — фашизму—нужны свои оркестры для возбуждения аппетита к крови, к ожирению, к экспансии.

У этого оркестра есть и другая функция — заглушать голод трудящихся, заглушать жажду своего освобождения.

Вспомним недавние июньские события в Германии. Тупик очевиден. Нужен выход. Но тупик все-таки очевиден, и это создает огромное смятение. Поэтому, пожалуй, не следует удивляться, что отчаяние здесь граничит с безумием.

«Когда я умру, они вырежут язык у моего трупа»,—говорил Гейне о своих соотечественниках-реакционерах. Он словно предугадал. Его соотечественники XX века, более изысканные и решительные в реакционном мастерстве, уже успели это сделать на площади, на костре.

Та же участь, как известно, постигла многих, в ком жива здоровая мысль, кто видит дальше и говорит смелее. Нельзя говорить смело и правдиво не только живым, но и мертвым. Таков непременный закон фашизма. Это значит двигаться не к жизни, а как раз в обратном направлении. О каком пресловутом прогрессе здесь может быть речь, о каком расцвете личности?..

Какие светлые пути, какие радушные перспективы, какая радость может в фашистском мире привлечь и увлечь подлинного художника? Круг сузился так обреченно, что, пожалуй, единственная радость для художника—в самом исходе, в конце.

Тем не менее,—и это очень показательно,—фашизм жаждет радости. В примере, приведенном тов. Радеком, в поисках современной итальянской литературы это звучит особенно ярко: «Нам нужен такой писатель, который видел бы наши деревни веселыми, наших крестьян радостными, наших рабочих спокойными», — взывает Телиано Интелянди. Но как быть, если писатель этого не видит? Как найти радость там, где ее нет? Нужен большой компромисс. Вместо творчества — сочинительство, искусственность вместо искусства.

Мишель Корде в своем последнем романе «Розовое небо» вопрос разрешает довольно просто: один из героев романа, профессор, изобретает газ, заражающий оптимизмом. Насколько этот способ устойчив, предоставим судить знатокам химии, нас же интересует самая попытка автора создать, по крайней мере, иллюзию.

Но ведь здоровому человеку присущ смех. Здоровый человек должен смеяться. Где этот человек? Какой это человек? И Барбе, например, пытается его найти в так называемом естественном человеке, в своеобразном культе «ню», в естественной физической оголенности. Опять-таки иллюзия. Опять своеобразная попытка, прикрываясь как будто действительностью, уйти от самой сути действительности. Попытка скрыть под внешней грубой оголенностью внутренние язвы разочарования и скепсиса, раз'едающие современного человека Запада.

Если действительность не удовлетворяет, не убеждает, приходится подменять действительность. Но иллюзия, которая не убеждает, есть не что иное, как голая ложь. Может ли ложь быть стимулом в творчестве, в поисках жизненной цели? Могут ли быть созданы подлинные ценности во имя лжи?

Как ни старался бы капитализм обманывать своей капиталистической «правдой», как ни ухищрялся бы он в своей тончайшей лжи, действительность останется непреложной.

Революционное движение пролетариата и крестьянства растет. Взоры, желания, надежды лучших, передовых устремлены в сторону социализма. Мы видим, как создается и крепнет новая, пролетарская литература в Германии, Франции, Америке, Японии. Мы видим и чувствуем, как настойчиво, мужественно борются эти лучшие отряды в тяжелых условиях капиталистического Запада и Востока. Мы видим сегодня на нашем с'езде многих из этих бойцов и многих близких нам, многих наших друзей.

Неудовлетворенность, подавленность, разочарованность заставляют таких значительных мастеров, как Драйзер, Андре Жид, Ромэн Роллан, разоблачать капиталистическую действительность, разоблачать ее решительно и глубоко. Они ее пока больше отрицают. Но и это очень знаменательно. И разве, отрицая ее, они не утверждают нас?

Но есть еще ряд видных зарубежных литераторов, тоже разочарованных в окружающей их действительности, но колеблющихся в поисках истинного выхода. Не так давно еще бежали в сюрреализм, в «высшую реальность». Теперь такие одаренные люди, как Джойс, Дос-Пассос, уходя от своей реальности, которая давит и не воспринимается, хотят найти выход в кропотливом психологическом показе, в формалистических изысках, в технической утонченности.

Конечно, было бы ошибочным во всей современной буржуазной литературе видеть сплошной из'ян, огульно отрицать ее качества. Как раз в технике литературного мастерства она бывает интересна, достаточно сильна, и технике этой не мешает нам поучиться.

Но здесь нужна большая бдительность. Процесс настолько сложный, что вместе с техническими приемами могут незаметно просасываться совершенно ненужные, а подчас вредные влияния.

У нас, например, на Украине еще не так давно дело началось тоже как будто с техники. Создана была Вольная академия пролетарской литературы—«Ваплите», ставившая себе целью повышение качества, овладение классическим наследством европейской литературы, овладение техникой современного западного мастерства. Вскоре один из лидеров этой организации уже так формулировал ее направление: «Наша ориентация—на западноевропейское искусство, на его стиль и приемы. От русской литературы, от ее стилей украинская поэзия должна как можно быстрее бежать». В конце концов создалась определенная ориентация именно на психологическую Европу. Всем этим не преминул воспользоваться классовый враг, пребывавший и в самой Ваплите. Все это привело к тому, что Ваплите фактически сыграла контрреволюционную роль.

События последних лет на Украине, происки фашизма в нашей советской республике, его большая заинтересованность литературным участком, его разлагающая работа на этом участке, вскрытая теперь и осужденная, будут большим и памятным уроком для нашей литературы.

Тот, кто хотя бы немного сомневался, кто начинал поддаваться чуждому влиянию, тот уже вставал на зыбкий путь, ведущий к философии крови, к самой беззастенчивой лжи, к самому бесславному и безрадостному концу. Есть у нас на Украине такие, что зашли уж слишком далеко. Но есть и такие, кто во-время осознал свою ошибочность и старается изжить все остатки пагубных влияний, старается об этом не только ясно, честно сказать, но и доказать. Им, конечно, надо помочь.

Пусть нам еще кое-чего недостает, но все-таки в нашей стране уже создана база для расцвета социалистической культуры, мы все же передовая страна в мире. Кому, как не нам, должны принадлежать и лучшие достижения культуры прошлых веков? И если наши советские инженеры умеют быстро и основательно овладевать сложной техникой на предприятиях, то разве не смогут тоже быстро и в совершенстве овладеть сложнейшей техникой инженеры душ?

Как раз социализм создает наиболее выгодные условия для расцвета личности. Именно у нас человек раскрепощен. Действительность, в которой уничтожается собственность, в которой создается бесклассовое общество, рождает нового человека. Он строит, он растет, он глубоко верит, он искренно увлекается, у него самые светлые перспективы,—кому же, как не ему, быть оптимистом? Радость требует борьбы. Только превозмогая, достигая и побеждая, сознаешь и чувствуешь подлинную радость. Будемте же бороться и побеждать. (Аплодисменты).

Рис. А. Панфилова.

Делегаты Карельской АССР: поэт Э. Б. ПАРАСС и драматург А. Э. ВИРТАНЕН.

ПЕРВЫЙ ВСЕСОЮЗНЫЙ С'ЕЗД СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ.

ПРЕНИЯ ПО ДОКЛАДУ О МЕЖДУНАРОДНОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ.

Ядовитый мед с уродливых цветов.

РЕЧЬ украинского поэта БАЖАНА.

Товарищи, века стоят за литературой Германии, но никакой Ганс Эверс, или Ност, или Розенберг на том только основании, что они пишут на том же языке, не могут считать себя в родстве с Гете, Шиллером, с Саксом или Лессингом.

Тов. М. Горький в своем докладе о творчестве говорил, что основным героем наших книг должен быть человек, чья психика организована современными, социалистическими процессами труда; нашим героем должен быть человек, воздействующий на труд и делающий его более легким, продуктивным, возводящий его на степень искусства. Мы должны выучиться понимать труд как творчество.

Мы еще не глубоко понимаем и не отразили в образах наших произведений все явления творческого социального труда, но мы их поймем. Нам, строителям социализма, дано право наследовать прошлое истории. И одновременно с этим правом нам дано право и на труд, воплощаемый как творчество. Это и есть новое в мире. Творчество есть создание нового.

Проявляют ли писатели буржуазии умение создать великое новое, способны ли они на ту степень напряжения памяти, без которой невозможно творчество? Способны ли они помнить, и знать, и видеть мир?

Тов. Горький говорил, что в буржуазной литературе XIX века необходимо различать две группы авторов. Одна из них—это те, которые восхваляли и забавляли свой класс, — все эти Поль де-Коки, Самаровы и пр. Эта группа количественно возросла, а качественно еще более обеднела в XX веке. Порнография и детектив еще решительнее, грубее вытесняют более одаренных людей буржуазной Америки и Европы в мансарду или подвал. Жалкие скоморохи пытаются еще раз инсценировать пир во время чумы; они еще громче визжат и еще более изощряются в пошлостях и непристойностях. «Любовник леди Чаттерлей» — вот наиболее типичное произведение этой скоморошьей, вымученной и искусственной вакханалии.

Некоторые стремятся быть более искренними — Поль Моран, например. Некоторые желают хотя бы только походить на каких-то прокуроров общества—Декобра, например. Но слишком густой сутенерский запах идет от этой литературы—его не заглушить никакому Коти. Изысканная утонченность уже перешла в манерничание, гримасничание и пошлость. В бельэтаже буржуазной литературы сидят воры и сыщики, и иногда гремят сапогами какие-нибудь французские или немецкие, в коричневых, черных или голубых рубашках, Козьмы Крючковы.

Об этом красноречиво и глубоко говорил в своем докладе М. Горький.

Между тем то, что делается в подвалах и мансардах буржуазной литературы, заслуживает нашего внимания и изучения. Я не говорю о той западной литературе, о литературе революционной, которая есть наша литература и которую мы обязаны кровью знать и кровно чувствовать.

Есть еще на Западе, — помимо скоморошьей и порнографической литературы,— литература людей, топчущихся на месте. Тов. Радек достаточно говорил о таких писателях, как Селин, как Ремарк, как Дос-Пассос, Джойс и Пиранделло. Эти писатели тоже не должны выпадать из круга нашего внимания. Отчаяние, бессилие и ночь — вот главные лейтмотивы их творчества. И если скоморохи и порнографы не могут, не хотят ничего понять, подобно тем Бурбонам, которые возвратились после реставрации во Францию, то эти отчаявшиеся боятся и помнить и понимать. Они боятся перешагнуть барьер, отделяющий их еще от классовой истины мира. Они еще не способны на тот шаг, который сделал наиболее одаренный и самый лучший из них — Ромэн Роллан—в последних своих статьях, в своих выступлениях и, наконец, в последнем своем романе. Они ограничивают свою память, заставляя ее работать на урезанном запасе времени, невероятно интенсифицируя и разрабатывая этот запас.

День Блюма с маниакальной кропотливостью и схематической излишней изощренностью анализирует и раздробляет Джойс. Куст боярышника перед великосветской виллой для Марселя Пруста заслонил весь мир. Он не хотел больше знать, он не хотел больше видеть, обив стены своего кабинета пробкой. Романы Селина—это как бы негативная фотография мира, в которой с тщательной обратной четкостью выделены все черные, темные линии воспринятой писателем действительности. Ярких красок нашего мира не увидел этот писатель, ибо красное знамя выходит на негативном снимке черным. Мартэн-Дюгар знает тот мрачный, замкнутый круг, по которому идет его старая Франция. Он знает убийственную тавтологию его дней Его душит узость этого круга, но он уже не может разомкнуть его.

И все они такие—эта группа отчаявшихся. Они боятся памяти, они не знают радости, а особенно радости собственного труда, и не знают даже радости труда восставших. Когда Андре Мальро с любовью всматривается в глаза умирающих китайцев, то это — любовь отчаяния. Моментами он искажает действительность, потому что каждое восстание пролетариата — это не безысходное отчаяние. Наоборот, оно заряжено оптимистической зарядкой, несмотря на трагические исходы отдельных этапов революции.

Боясь памяти, боясь радости, не зная труда,—нельзя творить. И писатели эти не творят, они конвульсируют.

Но есть ли для них исход, выход к творчеству? Третьего пути нет. Советские литераторы твердо знают, что третьего пути нет.

Не буду повторять слова тов. Радека, который с достаточной ясностью говорил об убожестве фашистской литературы и в Италии, и в Германии, и в Японии. Но есть еще один отряд международного фашизма, на примере которого весьма выпукло можно проследить все отвратительные, все дичайшие, все мракобесные прелести фашизма.

Если идеологи и деятели немецкого, японского и итальянского фашизма—рабы монополистического капитала, то есть еще и рабы рабов, и эту почетную роль взял на себя украинский фашизм, украинский национализм. Им безразлично, кому поклониться — коричневой ли рубашке, остроугольной ли конфедератке, или бутафорским латам потомка самураев. Они с одинаковой готовностью гнут свою казацкую шею, треплют свою казацкую чупрыну. Ну еще бы—все во имя «любви к Украине».

Вот, например, весьма распространенный среди фашистских украинских кругов образчик этой «любви». Есть в Харбине газета «Украинска справа». Эта украинская фашистская газетка, конечно, прежде всего интересуется вопросом о японо-советской войне. Все ее писания по этому поводу с большой охотой подхватываются всей остальной украинской фашистской прессой. Например, газета «Новий час», выходящая во Львове, с восторгом перепечатывает ее передовицы.

«Украинска справа» пишет в своей передовице о будущей японо-советской войне. «От войны,— философствует «Украинска справа»,—может пострадать и украинское население Дальнего Востока. Но это пустяки—ведь после победы Японии будет обеспечено создание свободной Украины под японским протекторатом». Эта готовность отдать миллионные массы советской Украины на уничтожение, на растерзание и во владение любым фашистам, любого цвета характерна для всего украинского национализма.

Фашистский поэт Маланюк очень темпераментно кричит в стихах о своей ненависти к массам украинского народа. Гетманские каратели и контрразведчики в своих «ученых» учреждениях в Берлине с сожалением подсчитывают и находят, что слишком мало людей было расстреляно, повешено и выпорото шомполами во время их кратковременного господства на Украине.

Ненависть к трудящимся массам, маниакальное человеконенавистничество — черта, общая для всего фашизма; но особенно цинично проявляется она в фашизме рабьих рабов. И наряду с этим расцветает в литературе украинского фашизма ароматный букет цезарианских добродетелей. Цезаря нашли они себе, прямо сказать, неважного. Трудно, очень трудно, даже наиболее исступленным маньякам представить себе Павла Скоропадского в триумфальной колеснице. Но если нельзя себе представить чего-нибудь, то, может быть, можно поверить в это.

Идеолог украинского фашизма Дмитро Донцов, этот национал-украинский Розенберг, на слепую веру только и надеется: «В наше время, не шатающееся перед доказательствами псевдологики ума, только недоказуемая вера спасет от погибели».

Беспринципность и двурушничество проповедует он, когда говорит о том, что «теориями и основами нужно вертеть, как сапожник кожей, чтобы над всем доминировал вопрос — полезно ли это нам, или вредно».

Отсюда один шаг до проповеди социал-фашиста Шаповала и контрреволюционеров на советской Украине, которые пытались пролезть и в украинскую советскую литературу. Отсюда один шаг до отвратительной теории «валлепродизма»—этого оригинального плода украинской фашистской мысли, —до этого культа предательства, до этого культа двурушничества.

И какое бессилие, какое гниение и какая ненависть смогли породить этот отвратительный культ, эту отвратительную практику!

Ненависть к человечеству, весь отвратительный комплекс фашистских мыслей—украинский фашизм с особенным старанием собирает этот ядовитый мед со всех уродливых цветов международного фашизма. Но литература советской Украины, этот форпост нашей прекрасной родины, — ее писатели-коммунисты, ее беспартийные писатели не дадут фашистской горилле восторжествовать. Они знают один путь — путь первого на земле великого, настоящего человечества, и они не сойдут с этого пути. (Аплодисменты).

Дружеский шарж худ. Кукрыниксы.

ДЖЕРМАНЕТТО.

ЕСТЬ ЛИ ЧЕМУ УЧИТЬСЯ У ДЖОЙСА?

РЕЧЬ немецкого писателя В. ГЕРЦФЕЛЬДЕ.

Товарищи, позвольте мне остановиться на одном пункте доклада тов. Радека—на его предостережении относительно Джемса Джойса. Тов. Радек сравнивает Джойса с человеком, снимающим навозную кучу киноаппаратом с микроскопом. Я готов принять это сравнение, хотя оно в такой же степени соответствует действительности, в какой глаз человеческий соответствует фотографическому об'ективу. Иметь дело с навозом, конечно, не очень приятно. Но это еще не служит доказательством того, что навоза вообще не существует, что микроскоп есть изобретение бесполезное, а изучение навоза—занятие вредное.

Тов. Радек упрекает Джойса в том, что в его творчестве несущественное и основное сменяют друг друга так, словно они равноценны. Фактически дело обстоит иначе. У Джойса впечатления, воспоминания, реакции человека перетасованы, как письма в почтовом ящике. Все они различны по содержанию и по значению, но об'ем и вес их одинаков. В то время как все прочие писатели вскрывали и сортировали лишь наиболее интересные, имеющие касательство к основной теме письма, Джойс вскрывает все, но не сортирует их, ибо эта удивительная путаница в сознании человека, заключающая в себе все мелкое, отвратительное, потаенное, — эти личинки в навозе, по выражению тов. Радека, с точки зрения Джойса и есть подлинная психическая реальность.

Вопрос в том, существует ли эта реальность, существуют ли эти личинки. И если да, то есть ли это явление неизменяемое, необратимое, присущее в одинаковой мере всем людям? Мне кажется, что для Джойса этого вопроса не существует. Метод Джойса есть эксперимент. Нельзя отказывать художнику в праве на экспериментирование даже и в том случае, когда ценность эксперимента стоит под вопросом.

Джойс пользуется не обычным художественным методом, и из его работ возникла школа. Наиболее ощутима она у Дос-Пассоса. Тов. Радек прав, — эта школа опасна, но не потому, что преподавание в ней глупое, жалкое, недостаточное, но как раз наоборот: потому, что в этой школе есть чему научиться. Так в чем же опасность? В том, что в этой школе можно еще больше разучиться.

Для западных писателей эта опасность более значительна, чем для советских писателей, огражденных марксистским мировоззрением и интенсивным контролем читательских масс.

Правящий класс может сказать, что Джойс хотя и отрицает буржуазную культуру, но не призывает к борьбе тот класс, который чувствует себя способным создать новую, социалистическую культуру и знает, что создаст ее. Но правящий класс не есть однородное целое. Его искусство часто разоблачает то, что он скрывает в обычной жизни. Это бывает тогда, когда художник находит в себе силу говорить правду, если даже она противоречит его взглядам.

Такой ли сильный художник Джемс Джойс? Действительно ли он ищет правды? Честно ли он работает со своим микроскопом?

Я думаю, что на этот вопрос можно ответить утвердительно. Я думаю, что в извращениях и искажениях образа человека, данного Джойсом, виновата социальная точка зрения Джемса Джойса.

Резюмирую. Джемс Джойс не может служить нам образцом. Его метод возник из скепсиса гибнущей буржуазии, но это писатель значительный, писатель, которого надо брать всерьез. Мы можем учиться у него, как и у всякого подлинного художника, но мы должны помнить об его ограниченности и о той опасности, которая кроется в его методе. (Аплодисменты).

Писатели нового Китая.

РЕЧЬ китайского писателя Э. СЯО.

Разрешите мне от имени Лиги левых писателей Китая передать вам пламенный братский привет. (Аплодисменты).

Развернутый фронт интервентов-империалистов и ожесточенная борьба классов в Китае привлекают большой интерес мировой пролетарской общественности. Рабочий класс отмечает героизм китайских советов и китайской красной армии, которая является непобедимой, так как поддерживается широкими массами страны. (Аплодисменты).

Китайская советская революция стала крупным фактором мировой революции. Недаром поэтому тема о Китае является темой многих передовых писателей мира. Почти каждый передовой художник написал что-нибудь о Китае. Мы приветствуем книги Анри Мальро, Оскара Эрдберга, Сергея Третьякова, Эрвина Киша, Агнесы Смедли, Вайяна Кутюрье.

Я хочу сказать об одном нежелательном явлении. Многие вещи, главным образом пьесы и кинофильмы, неправильно показывающие сегодняшний Китай, к сожалению, идут еще у нас в СССР. Это явление называется экзотикой. Вот, например, в «Красном маке» показывают китайца-рабочего обязательно с косой или китаянку — обязательно с маленькими ножками.

Чтобы писать о Китае, о китайской жизни, надо хоть немного знать Китай и современную китайскую литературу. К сожалению, китайская литература, как и китайская грамота, неизвестны.

Даже в докладе тов. Радека ни слова не было сказано о китайской литературе.

Между тем, на фоне войны, интервенции и революции в Китае растет китайская революционная литература. В связи с тем, что рабоче-крестьянская советская революция развивается в Китае, господствующие классы ведут позорную политику предательства страны и народа, политику капитуляции перед японскими и другими империалистами. Опасность гибели страны, напии все более и более увеличивается. Поэтому среди интеллигенции и писателей идет резкая диференциация.

Крупнейший старый китайский писатель тов. Лу-Син (ему уже 54 года, и в Китае его зовут китайским Чеховым) играет громадную роль в левом революционном течении китайской литературы. Находясь на политической платформе рабоче-крестьянских трудящихся масс, он ведет непримиримую борьбу со всеми реакционными группировками, выступающими в защиту белого литературного движения. Лу-Син ведет работу по разоблачению всех тех групп, которые нападают на левое движение и с помощью лжи и обмана помогают Гоминдану в деле проведения походов против советских районов. Надо сказать, что этот писатель оказывает действительно горячую поддержку молодым писателям. Лу-Син в последнее время провел большую работу по защите Советского Союза. Он проделал громадную работу в напряженный момент: своими публицистическими статьями и политическими выступлениями он стал на защиту СССР, сумев оказать сопротивление всем клеветническим выступлениям прихвостней империализма. Работы Лу-Сина имеют огромное влияние на широкие трудящиеся массы. Для врагов он представляет собой угрозу, а для рабочих и крестьян, трудящихся масс и передовой интеллигенции является знаменем прогресса на литературном фронте. Революционные массы в его лице приобрели самого надежного руководителя на литературном фронте. Тов. Лу-Син должен был приехать на этот с'езд,—он был приглашен сюда,—но, к сожалению, он не мог приехать, и вам понятно почему.

Другой китайский писатель живет в глубоком подполье. В Китае он имеет огромнейший авторитет. Я не буду перечислять написанных им книг. Скажу только, что его книга «Весенний шорох» была переделана в кинофильм.

Журналы, которые преследуют коммерческие цели, вынуждены печатать произведения наших писателей, чтобы привлечь читателей-трудящихся. В последнее время вышла большая книга одного молодого писателя — «Рассвет». Эта книга рисует события генеральской драки между гоминдановцами. Он пишет о конкуренции между китайскими и иностранными капиталистами. Он описывает забастовку шелкопрядильной фабрики и роль коммунистической ячейки в этой забастовке. Он описывает восстание крестьян в деревне.

Даже наши враги не могут не признать этой книги, как крупнейшего достижения литературы Китая за последние 10 лет.

Товарищи, я не могу подробно говорить о китайской литературе, потому что у меня очень мало времени.

В заключение я хочу сообщить, как в Китае оценивают советскую литературу. Не буду говорить много, приведу только один факт. На II с'езде китайских советов Максим Горький был избран членом почетного президиума. (Аплодисменты).

Единый фронт против фашизма, против войны.

РЕЧЬ чешского писателя БОРИНА.

Товарищи! Мы приехали на ваш с'езд как гости, но мы не чужие гости, а солдаты одного фронта, хотя задачи наши не одинаковы. Вы боретесь уже на фронте стройки социализма, мы—еще в капиталистических условиях. Но, несмотря на различие задач в данный момент, мы неразлучно связаны, и ваш с'езд является также и нашим с'ездом.

Тов. Радек, анализируя искусство с начала мировой войны, утверждал, что корифеи литературно-буржуазного мира перешли во время войны на службу к империалистическим убийцам. Нет сомнения в том, что перешли. Но был же и у нас писатель, который боролся самостоятельным, особым образом против милитаризма. Ярослав Гашек написал непосредственно перед мировой войной первые главы книги «Храбрый солдат Швейк».

Эту книгу Гашек сам издавал и продавал по пражским улицам. Официальная буржуазная критика еще и теперь не признает его книгу литературным произведением. А я видел здесь перевод Швейка на татарском и финском языках. Из всех антиимпериалистических книг о мировой войне эта книга приобрела наибольшее количество читателей в самых широких массах всех народов.

До мировой войны чешская литература имела все характерные черты маленького порабощенного народа. При наличии мелкобуржуазного радикализма выросла под давлением австрийской цензуры сатира, которая достигла здесь великих традиций.

После мировой войны, из которой выросло самостоятельное чехо-словацкое государство, наисильнейшее течение чешской литературы находилось под непосредственным влиянием Октябрьской революции и обманутых надежд на национальное освобождение. Большинство чешских писателей испытало на себе влияние советской литературы. Наилучшие люди чешской литературы, как Нейман и Ольбрахт, безоговорочно переходят на сторону Октябрьской революции. Те, кто остались буржуазными литераторами, доказали полную неспособность к дальнейшему развитию.

В противовес этому начинают появляться в Чехо-Словакии элементы пролетарской литературы. В Словакии группа пролетарских писателей (Иловницкий и Крал) — даже качественно и количественно ведущая литературная група. Конечно, наша пролетарская литература страдает всеми недостатками, о которых говорил тов. Радек. Но урок фашистской Германии, указывающий, что перед лицом исторических фактов нельзя скрыться, дает новый размах революционной литературе. Незвал издает манифест против фашизма. Революционные писатели опять собирают свои силы. В прошлом году государственную премию получил Ольбрахт за книгу «Миколай Мигай». Это — революционное произведение. Комиссия государственных премий не нашла в буржуазной литературе никого, кому могла бы присудить государственную премию. И вынуждена была, хотя и неохотно, отдать эту премию Ольбрахту. Не случайно в конкурсе «кооперативного труда» появилось больше 100 стихотворений революционного пролетарского содержания.

Наша самая главная задача в Чехо-Словакии — борьба против фашизма. Вы здесь, на вашем с'езде, можете заниматься вопросами литературного производства. Мы тоже должны заниматься этими вопросами, но прежде всего перед нами задача — соединить все литературные силы против фашизма. Иные писатели готовы бороться активно с германскими фашистами, но молчат о чешских. Если итальянские фашисты боролись в австрийском вопросе против германских фашистов, то это еще не значит, что они стали антифашистскими борцами. Против опричников монополистического капитала надо бороться в собственной стране.

Борьба против фашизма тесно связана сегодня с позицией по отношению к Советскому Союзу и его мирной политике. Не может быть ни одного разумного человека, в том числе и писателя, который не знал бы, что самый факт существования Советского Союза служит противовесом фашистскому варварству.

Алексей Максимович Горький в беседе с иностранными писателями поставил перед ними вопрос: что бы вы сделали, если кто-нибудь начнет войну против Советского Союза?

Я хотел бы этот вопрос расширить: что ты сделаешь сейчас, каково твое отношение к этой войне теперь? Для меня нет сомнения в том, что я бы сделал в этом случае. Для меня ясно, что я должен сегодня сделать все для того, чтобы такая война против вас стала невозможной. (Аплодисменты).

Рис. А. Панфилова.

Делегат с'езда т. ЕСЬКОВ (Курская обл.).

КНИГИ-ПОЛПРЕДЫ.

РЕЧЬ С. ТРЕТЬЯКОВА.

У нас есть полпреды-люди и у нас есть полпреды-книги. Полпреды-книги — это полпреды удивительной страны, страны осязаемого социализма. Вот от заводов, взятых рабочими в свои руки, идет по странам роман «Цемент». Вот от женщин советской страны шагает «Виринея». Вот от юного поколения — «Костя Рябцев». От колхозов — «Бруски», от пятилетки—«Рассказ о великом плане» Ильина, от гражданской войны — «Разгром».

«Разгром» недавно вышел на китайском языке. Вот, что написали об этой книге в Шанхае:

«Левинсоны, живые, крепкие люди, руководя великими боями, ликвидировали японскую империалистическую армию от Иркутска до Владивостока, разбили интервентов 14 держав и бесчисленных белых генералов. Есть уже и китайские Левинсоны, но китайские охотничьи псы еще злее. Нам нужен не разгром Манчжурии, а разгром всех сортов охотников и их псов. Знамя китайского Левинсона уже взвилось, и развертывается всекитайский «Разгром». (Аплодисменты).

Советские книги идут с боем, они первыми восходят на фашистский костер, и в их светлом пламени особо отчетливой становится страшная харя гориллы со свастикой.

Горький запрещен в Пруссии. В Шанхае конфискована его «Мать»,—книга, от которой не одна сотня тысяч трудящихся сделала свои первые шаги в революцию.

«Бруски» прорабатываются на специальных собраниях ячеек берлинских фабзавкомов.

«Бронепоезд» Всеволода Иванова ставится в Австралии, и сотни рабочих стоят вне зала, потому что не могли в нем поместиться.

Несколько времени назад Шолохов, ворвавшись в читательский мир Англии со своим «Тихим Доном», стал фигурой легендарной и даже сенсационной. Вот, что о нем пишут: «В то время, когда мы читаем этот роман, казак Шолохова скачет на коне, охотясь в диких ущельях Кавказа». (Смех).

Вот грубые цифры: 96 советских писателей переведены на разные языки.

Токийская полиция выволакивала регулярно с каждого спектакля «Рычи, Китай» зрителей, которые регулярно же подтягивали революционной песне, хитроумно вклеенной в спектакль постановщиками. Этих зрителей вели, выламывая им руки.

Одна из главных задач советской литературы — вытравить в сознании зарубежных читателей фальшивые и экзотические представления о нашей стране, всю ту «клюкву», которая затемняет зрение людей, желающих рассмотреть нашу страну.

Маяковский становится властителем дум молодых поэтов Польши, Чехии. Под его влиянием растут такие поэты, как Арагон во Франции, и не без влияния его «150 миллионов» происходит поворот Иоганна Бехера к эпосу. Маяковский—первый наш поэт, вышедший на большую мировую дорогу. И это его мировое влияние надо нам ценить и беречь.

Но пока еще нужно признать: нами все же сильнее завоевывается читатель, а надо завоевать писателя, чтобы не просто было интересно нас читать и не просто хотелось писать по-нашему, но чтобы нельзя было не писать по-нашему, чтобы наше влияние, влияние нашего стиля, нашего творчества было неотразимым. Этого еще нет. Это только намечается. Это будет.

Наше вторжение в литературу зарубежных стран — процесс, теснейше связанный с творчеством наших друзей за рубежом. Друга по борьбе надо знать вплотную.

Каждому из нас, советских писателей, должно быть не безразлично, почему это запутлял Дос-Пассос. Каждого должно беспокоить, что сейчас делает Драйзер, почему, скажем, не работается Брехту.

Надо быть с ними в переписке. Из знакомств могут вырасти тесные и плодотворные сотрудничества. Возьмите, к примеру, такое сотрудничество, как Вольф и Вишневский, или совместную работу писательниц Ху Лань-чи и Анны Зегерс.

Я сам чувствовал, как крепнет ощущение товарищеского сотрудничества в своей дружеской работе с Б. Брехтом.

Мне кажутся основной формой срабатывания писателей переводы.

С переводами у нас дело обстоит слабо. Людей, умеющих так проникнуть в сущность литературного ключа того или иного писателя, как, например, это делал Стенич с Дос-Пассосом, у нас мало.

Очень много книг губится потому, что их делают холодными руками, серо, пресно, без чувства языка. Критика мало помогает. Она должна уметь ввести нас в самое цветение стиля, внимательно прочитав критикуемую книгу на том языке, на котором она написана.

Вот почему я хочу здесь сделать конкретное предложение: каждому писателю — второй язык. Надо было бы по существу предложить каждому писателю знать три языка: один, кроме его родного,— внутрисоюзный и один зарубежный язык. (Аплодисменты).

Недавно здесь была встреча с грузинскими поэтами, где читали свои переводы Тихонов и Пастернак. Мы впервые увидели громадную поэзию: ну, и силища! А ведь переводчики грузинского языка не знают. Какой же результат получится, если люди действительно будут владеть языками?

Но нам надо видеть зарубежье не только чужими глазами, но и своими. У нас все-таки мало еще книг о загранице, таких книг, как очерки Ларисы Рейснер, как книги Кольцова, Эренбурга, Кушнера, Никулина. Их должно быть больше. Писателям, обладающим настоящим глазом и пером, надо больше видеть заграницу и сообщать о ней в первую очередь для того, чтобы лучше узнать врага.

Дело в том, что облик заграницы, какой она иногда нам подается в прессе, хромает тем же, чем хромали изображения кулака в колхозе, когда рисовали человека зубастого, вооруженного обрезом, в то время как облик его гораздо сложнее, тоньше и скрытнее. Мне думается, что и в данном случае, по отношению к зарубежным темам, нам нужно научиться срывать маски со всего многообразия обличий нашего классового врага.

Наш международный писательский фронт называется об'единением революционных писателей. Но возникает вопрос:—не узок ли термин «революционные писатели», не неопределенен ли он? Не создает ли средостения между нами и идущими к нам писателями, могущими себя почувствовать отодвигаемыми в обидный ранг попутчиков?

Иногда писатели, делающие антифашистское дело, не именуются революционными писателями. Иногда бывает так, что писатель в силу предрассудков мнется, не имея еще смелости принять название революционного писателя, а в то же самое время он антифашист. Нужно подумать над тем, чтобы наша интернациональная работа сумела опереться на лозунг борьбы с общим врагом (а этот враг — фашизм), во имя идеи подлинной человечности, единственным носителем которой является коммунизм.

А союз советских писателей, мне думается, должен позаботиться, чтобы наши советские писатели, больше чем доселе, ратовали за международную спайку не на словах, а на деле. Надо, чтобы чаще и больше мы встречали у нас зарубежных товарищей, приехавших на настоящую свою родину глотнуть здесь свежего, пахнущего завтрашним днем воздуха молодости, мужества и творчества, перед тем, как, подобно подводникам, опуститься в гнилую муть капиталистического мира для дальнейшей трудной своей работы.

Он погибнет, этот мир, и когда над трупом его поднимутся сваливше его молот, лемех, клинок и штык, — не последним среди них будет наше писательское перо, наше колющее и режущее орудие. (Аплодисменты).

Дружеский шарж худ. Кукрыниксы.

ПАНФЕРОВ.

ПЕРВЫЙ ВСЕСОЮЗНЫЙ С'ЕЗД СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ. О МЕЖДУНАРОДНОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО тов. КАРЛА РАДЕКА.

Товарищи, с точки зрения обычаев, господствующих на буржуазных с'ездах, я должен был бы заявить, что нахожусь в очень затруднительном положении, ибо в качестве докладчика был обстрелян рядом товарищей, являющихся нашими гостями.

Но наши гости—это, с одной стороны, отряд пролетарских писателей Запада, которые не являются гостями в пролетарской литературе и в революционном движении. Остальные же наши гости—это писатели, не являющиеся членами нашей партии, но идущие к пролетариату. Я считаю, что в отношении таких гостей первая задача состоит в **абсолютной искренности.**

Дискуссия, которая разгорелась по поводу моего доклада, принесла большую пользу. Я должен сказать, что она показала мне много того, чего я, когда делал свой доклад, не знал. Она научила меня кое-чему, хотя не тому, что мне хотели внушить некоторые из выступавших здесь. Об этом я и буду говорить.

Я не буду долго задерживаться на вопросе о «списке благодеяний» пролетарской литературы, о списке пролетарских писателей.

Какова **задача докладчика на с'езде?** Доклад—это не учебник по истории литературы. Моя задача не сводилась к тому, чтобы назвать хороших и плохих писателей, чтобы *перечислить их произведения.* Задача состояла **в постановке проблем,** выдвинутых перед литературой исторической обстановкой. Имена упоминались мною только постольку, поскольку данный писатель попадал в центр этой проблемы. Мало того, докладчик у нас на с'езде выражает результаты коллективной работы мысли. Коллектив может очень легко установить общую линию разрешения проблемы, но не обязательно, чтобы он соглашался с оценкой каждого писателя. Вот например возьмем товарища **Бела Иллеш.** Он безусловно пролетарский писатель. Мы распространили в сотнях тысяч экземпляров его роман «Тисса горит», но не потому что это совершенная книга, нет, это книга начинающего писателя,—а потому что в этой книге мы находим отражение венгерской революции, облик которой нам дорог, хотя картина нарисована Иллешем слабо.

Оргкомитет не должен отвечать, скажем, за мои суждения о литературных достоинствах книги Бела Иллеш или других книг и авторов. Поэтому я и не высказывал их в докладе.

Второе—я думаю, что вы меньше меня ругали за то, что я не назвал писателей, чем ругали бы, если бы я дал характеристики писателей. **(Аплодисменты).**

Понятно, дело здесь не в том, называл ли я имена писателей или нет. Я знаю их не хуже, чем те товарищи, которые называли их имена. Дело в том, что здесь высказывались по очень существенным вопросам представители различных групп, и об их высказываниях надо сказать с полной идейной ясностью.

Дружеский шарж худ. **Кукрыниксы.**

РАДЕК.

Я пытался дать картину отношений мировой литературы к крупнейшим историческим событиям, которые определяют дальнейшее развитие человечества: отношение к войне, отношение к Октябрьской революции, отношение к фашизму. Я пытался также охарактеризовать раскол в буржуазной литературе и рождение революционной литературы.

Были ли высказаны здесь какие-нибудь упреки насчет этих основных положений, развернутых мною в докладе? Нет, никаких принципиальных упреков в этой области не было сделано. Так в чем же разногласия? А разногласия **в выводах,** которые делали некоторые товарищи (позиции их были очень противоречивы) из этих положений.

Скажем конкретно, мы слышали здесь **возражения с двух сторон.** Мы слышали возражения со стороны части пролетарских писателей, которые говорили: «*Не случайно, что вы не перечислили всех пролетарских писателей, вы их* **недооцениваете.** Мы — уже большая сила. Мы — уже большая, пролетарская, мировая литература». Другие возражения, в очень дружеской форме, исходили со стороны писателей, идущих к нам. Они говорили приблизительно так: **«Мы идем к вам, вот наши взгляды, но, будьте любезны, берите нас такими, какими мы есть, не скоблите нас и не приставайте к нам».**

Эти выступления с обеих сторон раскрыли нечто очень существенное, о чем надо говорить.

Роль и состояние пролетарской литературы за рубежом.

Я начну с вопроса о пролетарской литературе. Прежде всего я должен определить *наш взгляд на пролетарскую литературу.* **Делаем ли мы ставку на создание собственных литературных кадров, кадров международной пролетарской литературы?** Это — **основная ставка.** Советская литература отражает мировоззрение международного коммунизма и его цели. Международный коммунизм — это борющаяся армия. Как же люди, которые хотят бороться, могут не хотеть создать в такой важной области, как литература, свои собственные кадры, кровно связанные с рабочим классом? Допустить другую точку зрения — это значит допустить, что мы не хотим победить вообще в области идеологии. Конечно, было бы совершенным нонсенсом допустить нечто подобное.

Мы относимся к пролетарской литературе, какое бы ни было ее состояние в определенной стране, с величайшей бережностью и с величайшей любовью.

Бредель дал мне книгу «Голос из Германии», изданную здесь, в Москве, издательством иностранных рабочих, маленький сборник стихов и новелл, написанных, как он говорил, подпольными работниками Германии. Прежде всего, там есть стихи и новеллы не подпольных работников — Бредель немного прикрасил. Так или иначе, я этот сборник немедленно прочел, — он впервые попал мне в руки, — с величайшим вниманием. Это еще слабые новеллы. Но мы относимся к ним не только с литературной точки зрения. Мы видим за ними рабочих-подпольщиков, которые в тяжелой борьбе за победу рабочего класса под игом фашизма ищут путей, которые облегчили бы им разговор по душам с другими рабочими, еще не борющимися. Эти реликвии борьбы стоят у нас на совершенно особом счету. Понятно, что Пруст — художник побольше, умеет лучше писать, чем рабочие-подпольщики, но что нам образы героев салонов, хотя бы нарисованные рукою мастера? Они волнуют нас меньше, чем картины борьбы за наше дело, хотя и переданные руками начинающих пролетарских писателей. Поэтому мы часто издаем книги, которые далеко не совершенны.

Мы пролетарскую литературу любим, как начало той великой литературы, которую создаст пролетариат. Но мы были бы очень плохими борцами пролетариата и друзьями пролетарской литературы, если бы мы в области пролетарской литературы пошли за призывом тех, которые хотят детский, юношеский период об'явить зрелым периодом этой литературы.

Я сказал, что пролетарская литература Запада делает **первые шаги.** Секретарь ЦК нашей партии тов. **Жданов** сказал, что товарищи, которые здесь присутствуют, представляют начало и ядро пролетарской литературы. Почему мы так скупы на похвалы? А потому, что **Ленин и Сталин** учили нас тому, какую опасность представляет комчванство. Комчванство опасно с двух точек зрения: во-первых, тот, кто начинает похлопывать себя по животу и говорить «вот какой я хороший», тот перестает учиться, а нам всем, и советской литературе и международной пролетарской литературе, надо учиться днем и ночью, потому что нет у нас еще произведения пролетарской литературы, которое можно было бы бросить в миллионах экземпляров *в гущу рабочих и сказать им:* «Вот эта настоящая книга о войне, о фашизме, о русской революции».

Недавно отмечалось двадцатилетие империалистической войны. Сказать народным массам ,что представляла собой эта война, — величайшая задача. Мы имеем много сочинений пролетарских писателей о войне и мы должны их распространять. Но кто может, положа руку на сердце, сказать, что у нас есть такая книга, которую мы могли бы распространить в миллионах экземпляров и которая зажгла бы сердца не только наших товарищей, но и широких народных масс ненавистью к организаторам империалистической войны? Нет еще такого великого произведения в пролетарской литературе.

Мы знаем, что в Германии, в Италии у власти находится фашизм. Полтора года германский фашизм истребляет огнем и мечом лучших сыновей германского пролетариата. И я спрашиваю,— что же вы, дорогие товарищи, пролетарские писатели Германии, можете мне порекомендовать книгу о том аде, в котором живет германский пролетариат, обо всех неслыханных преступлениях германского фашизма,—книгу, которую мы могли бы здесь, в СССР, распространить в миллионах экземпляров? У вас есть литература, которая начинает рисовать эту картину, но мастерского произведения еще нет. **А не сказать этого и не знать этого — значит задерживать развитие этой литературы. (Аплодисменты).**

Товарищи, нас **Владимир Ильич** и лучший ученик его товарищ **Сталин** учили быть правдивыми по отношению к себе, а вас мы считаем частью нас самих. И когда мы говорим с вами о литературе, то мы не можем сказать, — нам было бы очень приятно это сказать, — что пролетарская литература процветает во всем мире. Мы должны сказать — нет, она делает только **первые шаги,** и кто не скажет этого, тот не работает на победу пролетарской литературы.

В чем могла бы быть недооценка пролетарской литературы? Только, если бы мы, во-первых, не хотели создать этот мощный рычаг развития пролетарского движения, и во-вторых, если бы мы считали, что он может быть создан только после победы пролетарской революции. Мы принципиально боремся за создание пролетарской литературы во всех странах и мы можем сказать, что у нас есть значительные победы в этой области.

Если вы меня спросите, что я считаю лучшим в пролетарской литературе вне Советского Союза, то я скажу открыто: целый ряд произведений **японских** пролетарских писателей **(аплодисменты).** Возьмите **Кабаяси,** у него есть маленький рассказ об арестах в 1928 г. Я видел, как читали этот рассказ наши рабочие! Если вы возьмете «Консервную фабрику» того же Кабаяси, то это произведение мне, следящему за научной литературой, сказало о состоянии японского пролетариата больше, чем вся научная литература, потому что эта книга показала, как те же рабочие, которые вчера ждали прихода военного корабля, как спасителя от эксплуатации, которые верили, что японский флот — их защита, на следующий день поняли, что это была иллюзия. Это означает, что в Японии уже стоит вопрос о пролетарской революции, несмотря на то, что отсталые массы пролетариата еще находятся в плену монархический идей.

Но чем добросовестнее относимся мы к этой литературе, чем больше мы радуемся ее победам, тем тверже мы должны сказать: **«Товарищи, не почивайте на лаврах. Лучше садитесь за работу и вместе с нами, которые еще тоже не создали Магнитостроев литературы, совместно пойдем вперед».**

Комчванство в этих вопросах имеет еще одну не менее опасную сторону. Опасность эта состоит в следующем: **«Если я так силен, если у меня все хорошо, то зачем мне союзники, зачем мне искать союзников?»** И, товарищи, когда я слышал речь Иллеша, то я слышал отголоски **рапповских оценок и рапповских методов.** Мы их преодолеваем у себя и незачем их экспортировать.

Раскол в мировой литературе.

Несколько лет назад те же самые товарищи, которые развивали здесь эти тенденции, хотели «зарезать» Барбюса, его даже не признавали нашим товарищем по борьбе. Теперь эти методы недопустимы, надо попытаться достигнуть той же самой цели другим путем. Если переоценить степень развития пролетарской литературы, то придется сделать вывод: я так силен, что мне не нужны союзники.

Я не говорю, что нечто подобное здесь было высказано полностью. Я убежден, что такой хороший германский рабочий, как коммунист Бредель, который знает, как нужны нашей партии в Германии союзники, отклонит эту идею. Но важно не только то, что человек додумает до конца. Большая часть людей в жизни не додумывает до конца. Когда я ударился в троцкизм, то я тоже не знал, что стану по ту сторону баррикад после 25 лет участия в рабочем движении. И тем более нужно сердечно, дружески сказать товарищам, не преодолевшим рапповских тенденций: **«Ребята, смотрите, это опасно для литературы и это опасно для пролетарского революционного движения Германии» (Аплодисменты).**

Присмотримся к другой стороне медали.

Литература раскалывается на открытую фашистскую литературу и на литературу, пытающуюся защищать буржуазную демократию, но стихийно ползущую к фашизму, и в то же время часть буржуазных писателей открыто переходит на нашу сторону. Среди последних разные группы: одни идут к нам, задерживаясь на 10 шагов от нас, другие задерживаются на 10 верст, но они уже ушли на 10 верст от мировой буржуазной, фашистской литературы.

Товарищи, **какое значение имеет этот раскол? Значение его громадно,** во-первых, потому, что этот раскол отражает глубокие социальные процессы. Что он отражает? Возьмем типичное произведение литературы распада—книгу **Селина.** Селин может быть завтра фашистом. В книге Селина имеются элементы, которые позволяют этого опасаться. Но сегодня Селин отражает **отчаяние той части мелкобуржуазной интеллигенции, которая не видит никакого выхода из кризиса и глубоко разуверилась в капитализме.** Это очень важное явление для нас. Литература распада—не наша литература, но очень хорошо, когда противник распадается, когда часть мелкой буржуазии перестает верить в руководство буржуазии. Когда мелкобуржуазные массы видят перед собой темную ночь, то это может привести их к тому, что они будут искать выхода из положения совместно с нами, или, во всяком случае, что они, разочаровавшись в капитализме, не будут бороться с пеной у рта за этот строй.

Есть литература, которая разоблачает не весь капитализм, а известные его формы. Возьмите книгу **Фейхтвангера** «Семейство Оппенгейм» против фашизма, возьмите памфлет **Генриха Манна** «Ненависть»—это не антикапиталистические произведения, но это антифашистские произведения. Художник еще боится пролетарской революции, но он ненавидит фашизм. Такая литература имеет крупнейшее значение.

Я очень люблю и ценю моих товарищей по партии — **Бределя** и других, но они сами знают, что пока Генриха Манна будут больше читать, чем их. Он боится революции, но чувствует ненависть к фашизму. Те, в душе которых он посеет ненависть к фашизму, пойдут, быть может, дальше его и не будут бояться революции.

Пливье рассказывал здесь, что он, будучи матросом, прочел книгу **Леонарда Франка** «Человек добр», и эта книга подействовала на него революционизирующе. Это мещанская книга, но она была выражением протеста против войны. Матрос Пливье пошел под ее влиянием в революцию, а Франк—в филистерскую жизнь. Но Франк помог матросу Пливье стать революционным писателем.

Литература, еще враждебная революции, но уже враждебная фашизму, имеет для нас крупное значение.

Нечего говорить о том, какое значение имеет для нас, когда корифеи мировой литературы—**Андрэ Жид и Ромэн Роллан,** которых знает весь мир, когда **Драйзер,** который чрезвычайно популярен в Америке, — встают и говорят: «Единственный путь, которым человечество должно итти, это путь, который указывает Советский Союз», когда они говорят, что капитализм погибнет, а социализм победит.

Товарищи, какую специфическую задачу ставит перед нами раскол буржуазной литературы? Разве он ставит вопрос о создании наших собственных писательских кадров? Эта задача существовала вчера, существует сегодня и будет существовать и после победы социализма. Это наша постоянная задача до окончательной победы. Кто забудет о своих кадрах и армии, тот может маневрировать как хочет, но он будет разбит.

Какая же перед нами **новая задача?** Новая задача заключается в том, чтобы **повернуть нашу советскую литературу и зарубежную пролетарскую литературу лицом к этому расколу буржуазной литературы и сказать пролетарским писателям: «Делайте все, чтобы найти там союзников». Нужно сказать пролетарским писателям: «К вам идут мастера слова, учитесь у них, чтобы вы сами скоро стали мастерами».**

Это есть то **новое,** о чем я, как докладчик, счел своей обязанностью здесь говорить. В этом состояла моя задача, а не в том, чтобы петь аллилуия достижениям пролетарской литературы. **(Аплодисменты).**

Товарищи, теперь позвольте мне подытожить то, что дала эта очень интересная дискуссия, хотя в ней не все было до конца ясно сформулировано. Она вскрыла очень важные явления с двух сторон. В первых выступлениях ряда товарищей еще не чувствовалось, что они понимают значение искания союзника, протягивания руки идущим к нам и стоящим на разных этапах писателям, отходящим от буржуазии. **Сегодня в речах Бехера и Пливье этот вопрос был поднят на достаточную высоту.** Это надо приветствовать.

Я глубоко убежден, что наши друзья, которые вначале думали, что они имеют здесь дело с недооценкой пролетарской литературы, поймут, что **дело идет не о недооценке пролетарской литературы, а о стремлении к усилению пролетарской литературы через союз, через включение в наши ряды мастеров, идущих к пролетариату от буржуазии, через сближение даже с такими писателями, которые не дойдут к нам, но которые на известном этапе борьбы помогут нам.**

Художники, идущие к пролетариату.

Мы слушали здесь другие выступления, — одно очень скупое в двух строчках, заявление **Андрэ Мальро** и речь **Жан Ришар Блока** — речь глубочайшей искренности.

Что сказал Мальро? Нужно отметить, что наша широкая публика не знает Мальро. Отрывки его произведений были напечатаны в журнале «Интернациональная литература», который у нас недостаточно распространяется, хотя он является источником, из которого можно ознакомиться с некоторыми явлениями международной литературы. Мальро — блестящий писатель. Я не хочу здесь давать ему аттестатов, он признан и нашими врагами. Достаточно прочесть статью французского академика Мориака в газете генерального штаба Франции «Эко де Пари».

Что говорит Мориак в этой статье о Мальро? Это очень острая статья, но я на нее укажу, потому что она поможет Мальро **увидеть опасность,** а нам — увидеть значение искреннего заявления этого писателя на с'езде: **«То, что я здесь, означает, что я с вами».**

Академик Мориак говорит в своей статье: «Ты, Мальро, бунтарь, ты, Мальро, нападаешь на буржуазную культуру, считая, что она погибает. Но твой блестящий талант — доказательство величия этой культуры. Разве тебя будут читать китайские варвары, о которых ты пишешь? Мы, французская буржуазия, на которую ты нападаешь, мы тебя читаем и говорим: вот какую культуру мы создали, что даже, когда наши бунтари ругаются с нами, то ругаются так талантливо, что в этом отражается вся французская культура».

И дальше Мориак говорит: «Вот, Мальро, мы тебя наградили премией братьев Гонкур. Почему мы это сделали? Мы—люди умные. Мы уже видели, как можно прибрать к рукам бунтарей: был Мильеран, был Бриан, мы дали им кусок власти, и они нам служили. Посмотрим, как ты, Мальро, выдержишь наши похвалы, нашу премию. Не лучше ли тебе жить с людьми, которые так уважают свободу мысли, что позволяют тебе петь славу погибшим китайским коммунистам, чем с этими коммунистами, которые, во-первых, не удосужились перевести твои книги на русский язык, а, во-вторых, придирчиво говорят тебе: «Вот у тебя уклон и еще уклон, ты должен писать так, а не иначе». **(Смех. Аплодисменты).**

И что ответил Мальро? Он здесь, с нами. Он человек глубоко интеллигентный, и ему пришлось слышать от нас, советских коммунистов, не только похвалы, но и жесткие вопросы и неприятные предостережения. Это вызывает у человека такое чувство, как если бы его взяли на зуб с золотой коронкой и пробовали между двумя зубами, насколько он крепок. Легко такому крупному писателю обидеться и сказать: «Оставьте меня в покое! Я буду писать, как мне нравится, я — свободный стрелок, не суйтесь со своим суконным рылом, а лучше научитесь писать так хорошо и литературно, как пишу я».

Мальро этого не сделал. У него часто искривлялось лицо, когда он считал, что вопрос поставлен чересчур жестко. Но Мальро выдержал это и сказал: «То, что я защищал Димитрова, то, что я отправился в Берлин для его защиты, то, что я приехал сюда, говорит за то, что я с вами».

(Шумные, долго не смолкающие аплодисменты. Весь зал встает, чтобы приветствовать Мальро. Мальро встает и кланяется).

И мы горячо жмем руку Мальро и говорим ему: «Тех художников, которые примыкают к борющейся армии пролетариата, ждет нелегкая дорога. Достаточно будет написать Мальро книгу о борьбе французских пролетариев, чтобы вся буржуазная французская пресса сказала: «Мальро потерял талант». **(Смех. Аплодисменты).**

Но не только это ожидает художника, который идет к нам. Художника, идущего к нам, ожидает участие в борьбе, которая не всегда является только борьбой на конгрессе, где один приятель говорит другому неприятные вещи. Борьба идет жестокая, будет итти проверка огнем и мечом, и мы глубоко желаем и убеждены, что Мальро эту проверку, как боец пролетариата, выдержит в степени, отвечающей его крупному таланту. **(Аплодисменты).**

Товарищи, здесь выступал Жан Ришар Блок — крупный французский писатель, крупный мыслитель и художник, который владеет не только образами, но художник, мозг которого здорово работает.

Я приводил цитаты из его старых книг, характеризующие этапы его развития, когда он — враг капитализма — боялся, что пролетарская революция приведет к диктатуре, к гнету, к шаблону в литературе. Вчера Блок дал мне свою последнюю книгу «Сибилла», которой я до того не знал и которую я прочитал сегодня ночью. Она меня глубоко взволновала. Эта книга, в которой он показывает, как художница становится коммунисткой; он одновременно показывает, сколько старых сомнений улетучилось у него на путях его развития.

И что сказал здесь Блок? — Он сказал: «Не смешивайте индивидуализма с индивидуумом, боритесь против индивидуализма, против того, чтобы писатель был кошкой, которая ходит только своей дорогой, **но цените глубоко индивидуальность, цените человека.** Если вы этого не сумеете сделать, вы оттолкнете в странах старой культуры многих, которые могли бы к вам притти».

Товарищи, то, что сказал Блок, — это верно. Нужно отличать индивидуализм, «неартельность», неумение итти с коллективом от уважения к личности. **Победоносная революция является почвой для богатейшего расцвета личности.** Мы — армия коммунизма — не состоим из номеров. **Коммунистическое общество будет в миллион раз богаче великими личностями, чем могло быть какое-нибудь другое общество.** Достаточно теперь уже посмотреть на нашу страну. Где в мире за 15—16 лет пастухи выросли в философов, в командиров корпусов, в профессоров университета?

У меня есть приятельница, которая преподает экономику в университете. Она родом из Ойротии, где росла в окружении шаманов. И когда такая ойротка, ставшая профессором, повесила над столом портреты Маркса, Ленина и Сталина, то один мой приятель сказал: она шаманит перед Марксом, Лениным и Сталиным. Эта шутка показывает, что еще вчера она жила в варварской обстановке, а теперь создает новую культуру.

Мы имеем директоров заводов, знающих технику на-зубок, которые были чернорабочими на своих заводах.

У нас есть заводы на участках, где $3\frac{1}{2}$ года назад было болото, и утки, прилетая весной, по старой памяти еще ищут его.

На этих местах комсомольцы из колхозов построили громаднейшие фабрики, и на одной из них, в Горьком, я видел рабочего со стажем в 40 лет, который работает начальником цеха, а два сына которого—инженеры на этом заводе. **(Аплодисменты).** И на всех этих заводах—десятки тысяч новых индивидуальностей, новых богатых индивидуальностей, которые мы создали. Чем сильнее мы будем, тем легче нам будет это делать.

Когда мы приближаемся мысленно к таким странам, как Франция, мы должны всегда помнить то, что ощущал Герцен, когда в первый раз был в Кельне. Он сказал, что каждый камень этого древнего города имеет большую историю культуры, чем все здания царской России 50-х годов. Мы должны помнить об этом. И, товарищи французские писатели, вы правы, когда указываете нам на это прошлое, которое у вас создало больше индивидуальностей, чем их знала царская Россия, но вы будете не правы, если вы вашим читателям в вашей стране не скажете: «Индивидуальности, стройся в шеренгу, идет бой за будущее человеческого рода!» **(Аплодисменты).**

Куда направить глаза литературы.

Позвольте мне, товарищи, под конец вернуться все-таки к вопросам формы, которые здесь поставил т. **Герцфельде** в своем очень важном и очень опасном выступлении.

То, что говорит Герцфельде, я считаю опасным для советской литературы и опасным для пролетарской иностранной литературы.

Герцфельде выступил здесь с тезисом не о том, что стоит читать Джойса; я не знаю такого писателя, более или менее крупного, у которого нельзя было бы чему-нибудь поучиться. **Герцфельде выступил здесь с оценкой Джойса, которая идет в разрез со столбовой дорогой нашей литературы — социалистическим реализмом.**

Что сказал Герцфельде? Джойс—большой художник. Я этого совершенно не намерен отрицать. Если человек напишет книгу в 800 страниц без точек и запятых, где все части перепутаны, и все-таки эта книга жадно читается тысячами писателей, и они видят в ней какие-то новые методы выражения чувств, то это—незаурядное явление. И само собой понятно, что не будет никакого вреда, а будет польза, если наши писатели познакомятся с Джойсом и раскусят, что такое Джойс. Дело идет не только о чтении, а о том, что такое Джойс, каково отношение его формы к содержанию.

«Радек говорит, что Джойс фотографирует кучу навоза при помощи фотоаппарата через микроскоп»,—жалуется Герцфельде. Он обиделся за «кучу навоза», хотя куча навоза—такая же часть действительности, как солнце, как капля росы, в которой отражается солнце. Куча навоза может быть составной частью большой картины. Герцфельде считал, что он лучше выражает Джойса, когда говорит: «Нет, он не фотографирует кучу навоза—он фотографирует свои внутренности».

Я не анатом, но я догадываюсь, что и во внутренностях человека находятся разные составные части кучи навоза. **(Смех. Аплодисменты).** Поправка эта не существенна, но она обнаруживает одну опасность, не подчеркнутую Герцфельде. Неужели мы должны говорить теперь художнику, советскому и зарубежному революционному художнику: «Смотри в свои внутренности».

Нет! **Мы должны ему сказать: «Смотри,—готовят мировую войну, смотри,—фашисты хотят задушить остатки культуры и отнять последнее право у рабочего, смотри—умирающий капиталистический мир хочет задушить Советский Союз!» Это мы должны говорить художнику и мы должны художника поворачивать от «внутренностей» его к этим великим фактам реальности, которые могут обрушиться на нашу голову.**

Специфика Джойса, историческая роль Джойса не в том или другом заумном изобретении литературной техники. Форма Джойса отвечает содержанию Джойса, а **джойсовское содержание — отражение того, что есть наиболее реакционного в мелкой буржуазии.**

Это глубочайшая **ошибка.** Джойс не разглядел готовящегося восстания ирландцев не потому, что оно пришло через десять лет, а потому, что **родное Джойсу — это только средневековое, мистическое и реакционное в мелкой буржуазии, похоть, а чуждо ему все, что может толкнуть мелкую буржуазию в сторону революции.**

Герцфельде назвал здесь имя Дос-Пассоса, находящегося под влиянием Джойса. Дос-Пассос—крупный революционный художник. Но если он не достиг еще той высоты, на которую мог встать и, надеюсь, встанет, то это потому, что он находится не под влиянием Маркса и великих художников реализма, а под влиянием Джойса.

Форма Дос-Пассоса — **слабость** Дос-Пассоса, слабость не только формального характера. Где ее источники? Молодой американский интеллигент пошел на войну. Там он стал революционером, он начал ненавидеть войну. Он видел картину развала, но у него не было цельного мировоззрения. Поэтому он пишет биографии своих героев одну за другой, с тем, чтобы эти биографии составили общую картину. Но он *чувствует,* что **эти биографии** происходят на фоне истории, а этого фона истории он не умеет дать, ибо он не умеет обобщать. Поэтому он дает вставки и вырезки из газет, чтобы склеить тот фон, которого он сам не может дать, не умея обобщать.

Чем отличается социалистический реализм от всех этих исканий?

Мы не фотографируем жизнь. Мы в совокупности явлений ищем **ведущее явление. Нет реализма, который без разбора дает все. Это был бы самый пошлый натурализм.** Мы должны выбирать явления. Реализм состоит в том, что мы делает отбор под углом зрения существенного, под углом зрения ведущих начал. А что существенно, — об этом говорит уже самое название **социалистический** реализм.

Но вот, что я хочу сказать советским и иностранным писателям: **«Наш путь идет не через Джойса, а по столбовой дороге социалистического реализма».**

Я не хочу моим выступлением против Герцфельде каким-нибудь образом уменьшить интерес к тем сочинениям, которые могут быть интересны для писателей с точки зрения писательской техники. Я считал своим долгом остановиться на этом вопросе потому, что кое у кого из наших писателей проскальзывает нездоровый интерес к Джойсу.

Здесь можно видеть, что означает этот интерес к Джойсу. Он означает: не лезь ко мне с Кузнецкстроем, с Магнитостроем, с красноармейцами, с ударниками. Я дам лучше маленькие дела, но очень сложно, оригинально, заумно.

Позвольте мне это заключительное слово кончить выражением уверенности в том, что наша двухдневная дискуссия с нашими товарищами по оружию — с иностранными писателями приблизит момент, когда мы сможем созвать первый международный с'езд союза советских писателей.

Позвольте надеяться, что на этом первом международном с'езде советских революционных писателей мы сможем сказать, что со времени нашего с'езда возникла **великая социалистическая литература,** опирающаяся на завершение стройки социализма в СССР, на победу социалистической революции в ряде стран, на сближение лучших писателей умирающего капитализма с пролетарскими писателями в одну семью творцов образов новой жизни, жизни победившего социализма. **(Продолжительные аплодисменты).**

В кулуарах с'езда: т. **ГАВРИЛОВ** (слева), писатель Черноморского флота, автор книги «Глубина 225», беседует с бывшим матросом германского флота, автором книги «Кули германского кайзера», писателем **ТЕОДОРОМ ПЛИВЬЕ** (справа).

ПЕРВЫЙ ВСЕСОЮЗНЫЙ С'ЕЗД СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ. ПРЕНИЯ ПО ДОКЛАДАМ О СОВЕТСКОЙ ДРАМАТУРГИИ.

ЛУЧШАЯ ДРАМАТУРГИЯ МИРА.

РЕЧЬ тов. АФИНОГЕНОВА.

Товарищ **Сталин** назвал писателей инженерами человеческих душ. Это название определяет социально-психологический тип писателя Советского Союза.

Если мы говорим «душа», то речь идет о психологии, о психическом состоянии человека. Значит, мы — инженеры человеческой психологии, вооруженные знанием человеческих характеров.

Второе положение—мы инженеры. Бывают инженеры-исследователи, инженеры-конструкторы, инженеры-производственники, инженеры-организаторы. В работе у них имеются элементы движения вперед, элементы развития той ступени техники, на которую они поставлены со школьной скамьи.

Итак, инженеры—это слой людей, двигающих вперед достижения технической мысли. В применении к нам, писателям, название инженеров человеческой души мы разумеем так, что мы не просто регистраторы психологического состояния, но и активные исследователи. Мы — конструкторы этих душ, мы — производственники, мы—организаторы этого человеческого материала.

Между тем в нашей драматургии мы сплошь и рядом изобретаем уже давно открытое самой жизнью. Мы сплошь и рядом выдаем в наших пьесах за новое то, что по существу принадлежит жизни, что является новизной не нашей пьесы, а новизной жизни.

Нам нужна не успокоенность, не стремление ограничить свою задачу описанием существующего уже достигнутого уровня. Нам нужна непрестанная работа изобретательской, конструкторской творческой мысли по созданию образов и характеров нового человека.

И нам, художникам, надо уметь выбирать самое прекрасное, выбирать самое замечательное, самое неповторимое и особенное в нашей жизни, выбирать то, что недоступно глазу обыкновенного наблюдателя. А выбрав и сконцентрировав в своем художественном образе, показать новый характер, новый образ, который будет служить не только описанием уже достигнутых нами успехов в переделке и воспитании людей, но будет служить для нас образцом, по которому будут учиться люди, приходящие в театр и смотрящие на этих новых людей.

Один из величайших инженеров человеческих душ **Ибсен** на вопрос **Конрада**, как он работает, отвечал:

— Прежде чем нанести на бумагу хоть одно слово, мне надо вполне овладеть возникшими у меня образами, заглянуть во все уголки их души... Явления, сцены, драматические картины, ансамбли — все это приходит после, само собою, и я нисколько об этом не беспокоюсь, раз только овладел индивидом во всей его человечности.

Такую работу над образом, такую работу над языком пьесы, в которой этот образ, воплощенный в характере, выражает собою действие и обстоятельства, являют нам примеры лучших мировых авторов драматургии.

Опасность нашей драматургии, одна из болезней ее роста заключается в том, что мы хорошо знаем факты текущей действительности, но часто не умеем их осмысливать. Мыслей мало в наших пьесах, и наши герои, повторяя мысли, которые мы вкладываем им в уста, зачастую обедняют сами себя. Бытовщина часто заедает наши пьесы. Эта мелкая, раз'едающая, как ржавчина, театральный организм бытовщина, бесхребетность, отсутствие в пьесе действия и обстоятельств, которые не выявлены через характер, — все это часто превращает нашу пьесу в сборник бытовых анекдотов и умилительных фраз.

Вернуть театральность пьесам, вернуть специфику театра на сцену, использовать все могущество театрального оружия, не обедняя и не принижая его,—вот задача.

Драма — это поэзия действия. Нет драмы, нет пьесы там, где нет действия. Об'единяющая сила пьесы,—когда действие развивает человеческие мысли, чувства и страсти через конфликты и борьбу. Но где конфликты среди новых людей, которые все хорошие? Но где борьба среди новых обстоятельств, которые все идут на то, чтобы строить новое общество? Так может рассуждать только самый поверхностный человек, не понимающий того, что, например, конфликт нового человека может заключаться не столько в борьбе его новых чувств со старым прошлым, сколько еще в борьбе или неудовлетворенности собой по отношению к тем задачам, которые ставит перед ним страна.

История о директоре французского театра, который тщетно ждет пьесу, достаточно показательна.

Директор одного большого французского театра перебирает сотни пьес, которые приносят к нему начинающие и известные авторы. Ни одна пьеса ему не нравится. Секретарь докладывает:

— Эта пьеса о том, как трое женщин любят одного мужчину.

— Это уже было. Скучно.

— Вот пьеса о том, как трое мужчин любят одну женщину.

— Было. Скучно.

— Вот пьеса о том, как мужчина любит мужчину.

— Скучно.

— Вот пьеса о том, как женщина любит женщину или вот о том, как мужчина любит животное.

— Все это скучно, все приелось.

— Вот,—говорит секретарь,—есть пьеса о том, как мужчина любит женщину. Один мужчина—одну женщину.

— А в этом есть смысл,—оживился директор,—это уже что-то новое. **(Смех).**

Вот, товарищи, идейный и не только идейный, но и художественный уровень буржуазной драматургии. И не по ней мы равняемся, когда так смело говорим о своих недостатках, когда так смело критикуем себя. Мы равняемся прежде всего по качеству того зрителя, который наполняет наши залы.

Когда-то **Ленин** говорил, что театр у нас займет место церкви. Да, товарищи, по тому благоговению, с которым наш зритель идет в театр, по тому, каким вниманием окружают партия и вся страна работников театра, мы можем видеть, какую громадную роль играет театр в нашей жизни.

Поэтому велика ответственность советских драматургов, бросающих со сцены слова миллионам.

Дорогие друзья!

Наши товарищи, партийные и беспартийные, росли вместе с нами, стали и становятся знатными людьми в колхозах, на фабриках, заводах, орденоносцами, директорами крупнейших предприятий, начальниками МТС, профессорами, изобретателями, героями-летчиками, командирами Красной армии, секретарями партийных организаций и членами ЦК нашей партии.

Мы с вами были и остаемся писателями. Спросим себя, как росло наше творчество за эти годы, проверим себя, не отстаем ли мы. И, проверив, с новыми удесятеренными силами ринемся в бой за новые замечательные победы лучшей драматургии мира—советской драматургии. **(Аплодисменты).**

Создать театр, достойный нашей эпохи.

РЕЧЬ тов. ТАИРОВА.

Мы, театральная громада нашей страны, связаны с вами, дорогие товарищи, не только как ваши читатели, с радостью и надеждой следящие за огромным ростом советской литературы, не только как идейные единомышленники, горячо переживающие ваши неудачи и ваши победы, но и как участники одной творческой артели, как мастера, бок о бок работающие у одного и того же сложного и ответственного конвейера, имя которому — **советский театр.**

В наших рядах не раз утверждалось,— и я в этом грешен не меньше других, — что для спектакля главное — не пьеса, а искусство актера и театр, что пьеса — только предлог для нашей работы, и т. д. и т. п. Это говорилось в пылу борьбы за самодовлеющее значение театрального искусства, за первородство театра.

Эти споры были по-своему законны и понятны в пределах буржуазной культуры, особенно в период ее упадка.

Сейчас в наших условиях может существовать лишь одно первородство, **первородство идеи построения нового общества, зарождения нового человеческого сознания. (Аплодисменты).** И такому первородству с одинаковой силой убежденности и энтузиазмом должны служить, и драматургия, и театр.

Точно так же сейчас снят с очереди вопрос, еще не так давно бывший осью театральных споров, — вопрос о ведущей роли драматургии. На данном этапе нашего развития, может быть, не одинаковыми темпами и разными путями, но все наши театры, в основном, завершили свой реконструктивный период, и **армия театральных работников, убежденно и настойчиво овладевая методом социалистического реализма, целиком и полностью влилась в ряды сознательных строителей бесклассового общества. (Аплодисменты).**

Поэтому сейчас вопрос о ведущей роли переходит в несколько иную фазу, фазу **творческого соревнования и сотрудничества,** фазу взаимного творческого оплодотворения театра и драматургии.

В результате своего развития, т. е. в результате критического освоения всей предыдущей культуры мирового и в частности русского театра и органического преломления ее в растущей и крепнущей культуре социализма в настоящее время, советский театр достиг огромной мощности и даже, по признанию врага, является **лучшим театром в мире. (Аплодисменты).**

Мы далеки от самообольщения. Мы хорошо знаем свои недостатки. Мы отнюдь не собираемся успокаиваться на достигнутом. Мы с неослабным рвением стремимся и будем стремиться проникнуть в самую гущу происходящих жизненных процессов, в самую глубь новой человеческой психики. И именно в силу этого нам, как воздух, нужна большая и творчески отражающая нашу эпоху драматургия.

Наш театр и актеры истосковались по большим произведениям нашей эпохи. Мы не находим достаточно материала, чтобы силами своего искусства содействовать преодолению пережитков капитализма в сознании людей.

Если внимательно проследить репертуар нашего театра за последнее время, то мы увидим, что даже количественно драматургия не поспевает удовлетворять потребностей театра.

Где, как не у нас, должна была бы расцвести комедия наиболее полным и блестящим образом?

«Последний фазис всемирно-исторической формы,—говорит **Маркс**, — есть ее комедия. Греческим богам, уже однажды раненым на-смерть в «Скованном Прометее» **Эсхила**, пришлось еще раз комически умирать в «Разговорах» **Лукиана**.

Зачем так движется история? Затем, чтобы человечество, смеясь, расставалось со своим прошлым».

Это замечательное определение — **смеясь, расставаться со своим прошлым,** — дает блестящую расшифровку тезиса о преодолении пережитков капитализма в сознании людей. Здесь, в этой расшифровке, гениально предуказан путь нашей комедии.

А трагедия? — **Когда, как не теперь,** во время небывалых мировых катаклизмов, в эпоху борьбы двух миров — социалистического и капиталистического, — когда, как не в нашу эпоху прозвучать настоящей трагедии?

Говоря здесь о трагедии и комедии, мы, конечно, не отвергаем и всех других жанров драматургии.

Мало того, мы всегда будем приветствовать и с увлечением работать над исканием новых жанров и форм, так как советскому театру никогда не была чужда большая и смелая экспериментальная работа. Так что и в этом отношении наша драматургия должна себя чувствовать совершенно свободной и раскрепощенной. Мы хотим от нее только одного — подлинных и высококачественных произведений, отражающих высокий размах и многообразие нашей эпохи, — произведений, построенных по законам театральной архитектоники, произведений живых и действенных, воплощающих нашу жизнь, наших людей в настоящих, кровью и плотью наполненных, сценических образах.

Наша драматургия еще очень молода. Но она уже имеет свои бесспорные завоевания. Эти завоевания—ее высокая идейность и ее классовая направленность. Это очень много, но это еще не все. Нужна огромная работа над образом, над языком, над искусством диалога, над искусством построения пьесы. И еще нужна большая требовательность к самим себе.

Мы все помним замечательное определение партийного и государственного работника товарищем **Сталиным**: «русский революционный размах и американская деловитость».

Стиль ленинизма состоит в соединении этих двух особенностей в партийной и государственной работе.

Воплотила ли наша драматургия этот образ? Пока нет. А образ женщины? Отчего только на этой трибуне мы увидели замечательный, незабываемый образ колхозницы **Смирновой?** Разве ее выступление, ее товарищеская, но едкая, полная крепкого юмора критика отстающих соколхозников-мужчин—не тема для чисто аристофановской комедии? Вообще, в наш ли век, нам ли, в нашей стране искать темы? Они лежат под руками, они рождаются ежедневно, ежечасно, только бери.

Мы, конечно, понимаем отлично, что и **Шекспир** и **Пушкин** не рождаются каждый день. Мы знаем, что Шекспиру предшествовала большая и многочисленная драматургия, подготовлявшая его творчество и в значительной мере использованная им. Я только хочу, чтобы наша драматургия неуклонно шла к предельным высотам и неустанно работала, пред'являя к себе максимальные требования и не успокаиваясь на том, что театры пьесы все равно ставят и даже не без успеха, а зритель все равно смотрит и даже аплодирует.

Необходимо еще раз указать, что театральная критика у нас часто недостаточно квалифицирована, что она сплошь и рядом набором обветшалых слов прикрывает свое неумение разобраться в произведении и помочь работе актера и драматурга в восприятии зрителя.

Нам нужны не слова, а настоящий творческий анализ и подлинная товарищеская помощь. За помощью, творческой и братской помощью обращается советский театр ко всей нашей литературе.

Отдавая должное нашим драматургам и неизменно дружески работая с ними, мы обращаемся здесь не только к ним, но и ко всем нашим писателям всех наших республик, всех языков и народов со страстным призывом — **построить совместными усилиями театр, достойный нашей эпохи,** и превратить советские подмостки в высокую арену идейной и творческой борьбы, борьбы за нового человека, новое общество, новую культуру — за социализм! **(Бурные аплодисменты).**

КОММУНИЗМ — НАША СВЕТЛАЯ ПЕРСПЕКТИВА.

РЕЧЬ тов. БИЛЛЬ-БЕЛОЦЕРКОВСКОГО.

Вокруг формы у нас бесконечно идут дискуссии и споры: нужна ли форма классической драмы, необходим ли для пьесы сюжет, стержень. Споры и ссоры эти затянулись, слишком затянулись, потому что каждая сторона стремится буквально узаконить свое понимание формы.

В свое время я тоже возражал против форм классической драмы, но опыт последних лет доказал мне, что форма бессюжетности, отсутствия интриги и единого стержня, имеет свое оправдание в пьесах, отображающих эпоху гражданской войны; тогда образ нового человека только едва-едва намечался. Теперь же, когда мы имеем созревший и полнокровный образ нового человека, теперь для показа его внутреннего мира необходим путь освоения и использования формы классической драмы как средства наибольшей выразительности и органичности.

Это путь наибольшего сопротивления, это значительно сложнее и труднее, чем продолжать традиции первого периода гражданской войны. Несомненно, тема нашей жизни, содержание пьесы найдет совершенно новую форму, но для этого нужно в совершенстве знать форму классической драмы.

Узаконение той или иной точки зрения на форму бесполезно и даже вредно. Это отвлекает нашу литературную молодежь от учебы, сбивает с толку и направляет ее в работе по линии наименьшего сопротивления. Вопрос формы — важный и серьезный, но значительно серьезнее вопрос содержания темы. **Тема является первым и основным условием в работе драматургии.**

Тема наша — это наша жизнь. Любой уголок Советского Союза насыщен необычайной жизнью. К сожалению, все мы еще не знаем по-настоящему этой темы. Мы читаем, мы слышим, мы видим жизнь, но мы мало ее изучаем и недостаточно знаем. Мы не знаем не только жизни окраин нашей страны, но даже окраин и новостроек Москвы.

Бесспорно, мы **представляем** себе нашу страну, но для художника представлять—это далеко не то, что видеть, ощущать, переживать... Я лично испытал на себе эту разницу, когда вместе с бригадой писателей побывал в Туркмении, в далеких песках Кара-Кумов.

Раньше, до революции, я бывал во всех частях света, бывал в колониях. Вместе с неграми, индусами, китайцами, малайцами, работал в городах и портах. Там я тоже наблюдал, ощущал и переживал, но переживал, как раб в стране рабов. Здесь же, в Советской Туркмении, я испытал чувство свободы, я видел огромную страсть и порыв к новой жизни. Даже в области театра. Женщины-туркменки, не имевшие ранее никакого представления о театре, в жестокой борьбе с предрассудками завоевывают право не только посещения театра, но и игры на сцене. Туркменский театр, рожденный революцией, не знающий традиций и закулисной жизни буржуазных театров, по своей свежести, страсти представляет прекраснейший творческий организм. Народ, выведенный Октябрьской революцией из-под двойного гнета—царской России и феодалов, превращает бывшую колонию в социалистический край...

Что, казалось, могла дать нам Кара-Кумская пустыня с небольшими оазисами жизни? Она дала нам, девятнадцати писателям, 19 разнообразнейших тем. И если бы нас было еще столько же, хватило бы всем. А ведь речь идет, товарищи, не о Туркмении только, а обо всем СССР — о шестой части мира. Недаром Алексей Максимович говорит, что слишком нас, писателей, мало, чтобы охватить нашу страну, нашу тему. Особенность наша не только в охвате нашей жизни, главное—в ее целеустремленности. Тот писатель, который не понимает и не имеет этой темы, в наших условиях остается нищим. Если для зарубежного революционного писателя наша действительность есть перспектива, то для нас, советских писателей, перспектива — это уже бесклассовое общество, это коммунизм.

Слово, любовь и романтика.

РЕЧЬ тов. Б. ЛАВРЕНЕВА.

Я не могу считать себя драматургом. Моя работа для театра случайна и эпизодична. Я не вправе говорить о драматургии во весь голос. Но наш с'езд—особый с'езд. Острое волнение, непередаваемое ощущение творческого трепета, взлет и биение чувств и мыслей сломали не только преграды между нами, но и между отдельными отраслями нашей почетной профессии. И я думаю, что не будет ошибкой говорить об общих проблемах литературы, ибо они касаются одинаково и прозы, и поэзии, и театра.

Поговорим о технике нашего мастерства, о слове, о лирике, о любви и романтике.

Я был в этом году на Западе. Я видел западный театр и кино. Когда я ехал туда, признаюсь, я не был слишком убежден нашими разговорами о низком уровне этого искусства на Западе. Мне казалось, что в нашем отрицании его кроется некоторая доля «головокружения от успехов», и я с жадностью бросился в театральную жизнь, от старых, с мировым именем классических театров до ночных кафе, и убедился собственным зрением, что **театры Запада переживают смертельную катастрофу.** Не будет преувеличением, если я скажу, что даже театры, ищущие репутации передовых, по качеству своих постановок, по актерскому составу, стоят неизмеримо ниже наших передовых клубных театров. А репертуар по своей идейной пустоте говорит о такой деградации творческой мысли, о таком разложении, что дальше итти некуда. Творческая мысль Запада больна той же неизлечимой гангреной, что и хозяин ее авторов—умирающий капитализм.

Но у драматургов и писателей Запада есть одно качество, которым они, при всей своей обреченности, бьют пока нас, — это **техника писательского искусства,** это формальное мастерство. Самая глупая эротоманская пьеса, самый бессмысленный водевильчик сделаны с таким знанием своего дела в смысле композиции, сюжета, развития действия и характера, игры, диалога, чистоты жанра, что эти идейно-мертвые вещи могут быть образом композиции литературного произведения, умелого делания вещи.

Испуганные реакционным наступлением формалистов, мы в течение многих лет отплевывались и открещивались от вопроса формы, забывая, что форма и формализм—это не одно и то же. Результат этого небрежения вопросом литературного мастерства, техники своего дела сказался на нашей работе печально. В наших пьесах нередки явления, когда они представляют собой своеобразный прейскурант всех жанров, всех сценических форм от трагедии до фарса включительно. Мы забыли о чистоте жанра, а она необходима.

На с'езде присутствует наш гость, друг и соратник **Андрэ Мальро.** Его последний роман, который известен всем, имеет с точки зрения наших идейных позиций еще немало недостатков. Это еще не большевистский роман о китайской революции. Мальро воспринимает события еще глазом одиночки, а не члена единого большевистского коллектива. Но стилевой блеск романа, виртуозное овладение словом ставит роман Мальро на недосягаемую высоту по сравнению с нашими попытками изобразить китайскую революцию.

Этому мастерству, этой диктатуре над формой нам нужно учиться и учиться.

Поговорим о лирике и о любви.

В наши дни, когда годы аскетической борьбы остались позади, когда развертывается заря социалистического будущего, писатели имеют право и должны заговорить о любви социалистического человека полным голосом.

Наша любовь — не капиталистическая гнилая любовишка, построенная на купле-продаже, на обмане, подлости, лицемерии, на презрении к человеку. Наша любовь, направленная на одного человека, включает в себе любовь ко всему человечеству, борющемуся за победу нашей социальной идеи.

Я прочел бесхитростный, суровый рассказ летчика, бросившегося по первому зову на спасение своих братьев по классу. Он рассказывает, как его жена, любимая и любящая, без одной слезинки, без жалоб и упреков укладывает его вещи, ибо эта женщина—человек новой формации, сознающий его обязанности и ответственность перед классом, перед родиной. Рассказать об этом—разве не прекрасная задача для писателя, разве она не достойна нашего пера—**эта любовь?**

Поговорим, наконец, о романтике. Я и многие из моих единомышленников к глубокому нашему удовлетворению услышали здесь, как партия, в лице т. **Жданова**, еще раз ясно и категорично заявила, что оружие революционной романтики, данное нам нашим лучшим другом, внимательнейшим читателем **И. В. Сталиным**, она, партия, отнимать никому не позволит, что революционная романтика — органическая и неот'емлемая часть генерального нашего творческого метода социалистического реализма.

Что мы разумеем под революционной романтикой? Это—прежде всего **пламенная творческая взволнованность** писателя. Это—сконцентрированная любовь и ненависть к своим героям, в которых он чувствует не абстрактные тени, а конкретных живых людей своего и чужого класса.

Полтора месяца назад я пережил впечатление, которое глубоко потрясло меня.

Летнее утро. Небо и вода в синем блеске. Застывший рейд, раскаленная земля. Обжигающие волны зноя. Широкие ступени трибун водной станции. На ступенях замечательная пылающая бронза шести тысяч обнаженных, здоровых, напряженных кровью, жизнью и радостью краснофлотских тел. Это был первый день спартакиады морских сил Черного моря.

В проходе трибун показался командующий флотом, герой гражданской войны **Кожанов**. С ним шел человек в парусиновом обыденном костюме. У него была лепная четкая голова, высоколобая, курчавая, с пылающими глазами. Но шел он медленно, опираясь на палку, и болезненная складка лежала у губ. За ним шагала высохшая старушка вся в черном. Краснофлотцы увидели человека. Наступило молчание. И вдруг шесть тысяч опаленных солнцем тел вскочили, как сброшенные пружиной, и все — море, земля, трибуны — закачалось в громе небывалой овации. Я видел, как остановился и отступил этот человек. Как еще ярче вспыхнули его глаза и побледнели щеки. Он был ошеломлен этим взрывом любви и восторга. Это был больной **Димитров**, лечившийся в Крыму и приехавший с матерью на праздник силы и здоровья защитников Советской земли.

Взволнованное мое творческое воображение восприняло эту картину не только как реальный факт, как эпизод одного дня. Я подумал и представил себе день, когда на мировой стадион, созданный победившим пролетариатом Всемирного Союза Советских Республик, придут все, положившие силы и здоровье за дело трудящихся. Придут во главе с величайшим романтиком нашей эпохи, осуществляющим лучшую мечту трудового человечества, товарищем **Сталиным**, — и миллионная масса этого пышущего здоровьем и силой, освобожденного человечества встретит их такой же бурей восхищения и любви.

Радостная и прекрасная романтика. Разве это не тема для пьесы? **(Продолжительные аплодисменты).**

Песни нашей действительности.

РЕЧЬ тов. РОМАШЕВА.

Драматургия — это не только литература для театра, драматургия — это не только высокая техника овладения сценической речью, сценическим образом, мыслью. Драматургия — это оружие наиболее острое, наиболее действенное, наиболее актуальное в наше время. Нам часто приходится слышать много упреков от критики и особенно от зрителя, но самый жестокий упрек, который нам приходится слышать, — это упрек в трусости, упрек в неумении видеть.

Обвинения справедливы. Драматургия приходит к с'езду с несомненными завоеваниями. Но в то же время драматургия приходит к с'езду и с большими мучительными раздумьями. Сложные задачи стоят перед нашей драматургией, и не все так просто, не все так очевидно, не все так легко, как это кажется на первый взгляд.

Мы еще мало учитываем опыт друг друга. Критика не старается воспитывать в нас чувство взаимного понимания и солидарности.

В нашей критике мы чувствуем некоторое пренебрежение к задачам драматургии. Дружеская речь нашей критики, увы, часто напоминает одного из персонажей французской комедии, который говорит своему другу: «О, мой друг, ты можешь спокойно умереть, у тебя есть друг, который с удовольствием закроет твои глаза». Товарищи, мы хотим, чтобы наша критика помогала бы нам жить и развиваться.

Советская драматургия резко отличается от драматургии дореволюционной, от драматургии европейской не только своим идейным накалом, но и всеми особенностями своего литературно-производственного характера. Советская драматургия родилась на площадях. Ее первые создания были пропитаны дымом гражданской войны. Мы создали революционный театр, который был призван укрепить ее боевые свойства.

Наша драматургия не утратила эти боевые свойства. Пусть романтический образ «братишки» **Билль-Белоцерковского** сменился образом строителя Гая. Это дела не меняет. Этот образ выражает тоже одну поступательную тенденцию социалистической революции. Драматургия помогала росту советского театра. Она — гордость нашей культуры.

Драматургия должна отобразить тот исторический процесс, который выводит нашу страну к бесклассовому социалистическому обществу. Этот процесс совершается у нас на глазах: возникает новая человеческая личность, «меняет кожу» старая. Драматург имеет дело с человеческой психикой, и, как совершенно правильно указывает тов. **Горький** в своей статье о пьесах, нужно учиться, изучать людей, читать людей так же, как изучаются и читаются книги. Товарищи, это простая истина, но она не легко дается. Изучать, читать людей, новых людей, чрезвычайно трудно. Изучать героя, выносить его в себе, похитить его у действительности и снова вернуть его, как нечто самостоятельное, — это вопрос мировоззрения, вопрос того, чтобы жить нашим Гаям, нашим Гулиным. Для этого нужно найти с ними внутреннее соответствие мироощущения. Тут и заключается первая основная трудность нашей работы.

Вторая трудность—трудность технологическая, которая вытекает из первой. Технология в нашем деле — вещь не последняя, и больше чем какая-нибудь другая профессия драматургия требует от работника оперативной гибкости. Эта отрасль весьма оперативна в наше время. Это—род оружия беспокойный, с большим радиусом действия. Мы же, драматурги, в большинстве случаев вялы и домоседливы.

Переживания героев наших пьес еще очень комнатны. У них мало эмоций. Разве такие герои в жизни, разве такими должны быть они в правдоподобии театра? У них слишком гладкие чувства, слишком причесаны они на пробор. У них слишком укромная лирика.

Дружеский шарж худ. Кукрыниксы.

РОМАШЕВ.

В нашей стране самый воздух насыщен партийностью. И тот, кто не дышит этим воздухом, не может дышать полной грудью. Мы имеем в виду не одну формальную принадлежность к партии, мы имеем в виду особое чувство кровности интересов, близость к желанной цели, радость в труде, простоту и глубину в человеческих общениях, реальность завтрашнего дня в сегодняшнем.

Тот, кто не видит этого в современности, тот, кто не видит этого в людях, которые творят эту новую действительность, тот не может дать нового героя. Образ нового героя тесно спаян с пониманием ведущей тенденции нашей жизни.

От наших пьес часто не пахнет жизнью, не пахнет страданием, не пахнет радостью. От них часто пахнет только типографской краской. Я не знаю пьесы, которая показала бы, как возникает новый характер. Я не знаю пьесы, которая показала бы, как меняются человеческие отношения, как трансформируется психология человека, утрачивая одни черты и приобретая другие. Путь к современному конфликту лежит через изучение характера, в его личных, общественных, социальных опосредствованиях.

Драматург должен и может применять все приемы сценического показа. Наша страна полна людьми в большинстве своем положительного свойства. Но разве нет классовой борьбы, разве нет в одном и том же человеке борющихся противоположностей, разве герой, ударник, совершивший подвиг челюскинец, разве тот большевик, который входит сейчас в нашу пьесу, — этот человек с большой буквы, — разве он не наполнен большим человеческим противоречивым содержанием? Его краски — пестрота, но в этой пестроте есть одна ведущая краска, которая составляет определенный тон, по которому можно определить его характер. Но мы его мало знаем. Мы фальшивим, мы засахариваем его. Нужно сломить в себе это недоверие к миру и человеку, нужно научиться читать характер со всеми сложностями борьбы за будущее в настоящем, борьбы в самой личности.

Это в одинаковой степени относится как к герою нашего времени, так и к героине. Отчего так бедны женские роли в наших пьесах? Я думаю, что они бедны не потому, что мы, драматурги, не любим советских женщин. Я думаю, что они бедны потому, что у нас, у драматургов, еще нет любви к той роли, которую женщина играет в нашей действительности.

Те жанры, которые возникают сейчас, являются новыми жанрами, потому что в них в конкретизированном виде смешаны различные традиционные жанры театра. Но комедия, которая сейчас так нужна, несомненно должна быть комедией о большом положительном человеке.

Оружие, которым мы владеем в нашем искусстве, надо сделать наиболее совершенным, наиболее культурным и наиболее точным, ибо с этим оружием мы боремся за нового человека, за новую культуру, за новое сознание. Это оружие помогает нам быть предшественниками того мощного расцвета социалистической драматургии, о которой мы все мечтаем и прообразом которой являются волшебные песни нашей действительности, те песни, которых мы еще не умеем выражать на бедном языке наших несовершенных пьес. **(Аплодисменты).**

ПРОВАЛ ВАЛЮТНОЙ ПОЛИТИКИ ГЕРМАНСКОГО ФАШИЗМА.

Ценные признания Шахта.

(По телефону от специального корреспондента «Правды»).

БЕРЛИН, 27 августа. Вчера всю официальную Германию занимали два вопроса: открытие осенней ярмарки в Лейпциге и состязания по боксу в Гамбурге. Достаточно просмотреть сегодняшнюю прессу, чтобы увидеть, что последний вопрос забил не только первый, но и вообще все политические события вчерашнего дня.

В Лейпциге открытие ярмарки в первый день прошли весьма серо. Народу на улицах много, но в магазинах пусто. **«Кельнише цейтунг»** не выдержала и призналась, что «нельзя умолчать о том, что на ярмарке чувствуется какая-то ярмарочная усталость». Многие из участников ярмарки заявляют, что они участвуют только потому, что не участвовать нельзя было».

В центре внимания ярмарки стоял доклад Шахта на вечернем приеме прессы. Шахт по существу признал **не только валютную катастрофу Германии, но и провал ее валютной политики.**

Дм. Бух.

БЕРЛИН, 27 августа. (ТАСС). Наибольшего внимания заслуживает сообщение Шахта о том, что предпринятые до сих пор меры по ограничению импорта не привели к желанным результатам и что поэтому в ближайшее время будут предприняты новые радикальные меры для сбалансирования импорта с экспортом.

В принципе эти меры, содержание которых неизвестно, сводятся к созданию системы валютных лицензий. Только те импортеры, которые будут иметь лицензию на приобретение валюты, смогут покупать за границей товары. Эти лицензии будут выдаваться в соответствии с поступлением валюты в Германию. Шахт при этом предупредил, что указанные им мероприятия должны будут привести к дальнейшему чувствительному сужению германского импорта. Валютные лицензии будут выдаваться только для импорта наиболее необходимых видов сырья.

Остановившись на вопросе о том, не отразится ли дальнейшее сужение импорта на положении германского производства, Шахт заявил: «Мы всевозможными средствами будем развивать добычу отечественного сырья». По словам Шахта, правительство при этом не будет считаться с тем, что стоимость отечественного сырья может быть более высокой в сравнении с импортным. **Шахт заявил, что на вздорожание сырья можно не обращать внимания, ибо сырье будет производиться силами безработных, которым все равно нужно платить пособия.** Иными словами, безработные будут обязаны за ничтожную плату работать на производстве отечественного сырья.

Обвиняя во всех переживаемых Германией экономических трудностях политику иностранных государств, Шахт заявил, что соглашения о трансфере с некоторыми странами были Германией в последнее время заключены под давлением угроз со стороны кредиторов. Эта политика иностранных государств, — заявил Шахт, — «все более отодвигает возможность возобновления нормального выполнения обязательств по задолженности».

* * *

ЛОНДОН, 27 августа. (Соб. корр. «Правды»). **«Дейли телеграф»** подчеркивает значение того, что пока Гитлер делал «мирные» заверения, Шахт бросил вызов державам, об'явив, что соглашения об уплате долгов и переводе валюты могут быть расторгнуты. **«Дейли телеграф»** указывает, что такое заявление может вызвать только раздражение.

Газета грозит, что если Германия действительно расторгнет финансовые соглашения, Англия прибегнет «к системе палаты международных расчетов, которую мы старались всячески избегать, но к которой нам, повидимому, в конце концов придется обратиться».

Майорский.

—o—

Немцы хлопочут о займах

ЛОНДОН, 25 августа. (ТАСС). Нью-Йоркский корреспондент **«Дейли экспресс»** сообщает, что между руководящими нью-йоркскими банкирами, представителями английских банков и представителями германского правительства велись тайные переговоры по вопросу о предоставлении новых займов Германии.

Американские банкиры готовы участвовать в предоставлении Германии новых кредитов при условии, если Германия, во-первых, предоставит в качестве обеспечения свои капиталы, находящиеся за границей; во-вторых, приступит к частичному погашению прежних кредитов, находящихся ныне в замороженном состоянии, и, в третьих, обязуется часть новых кредитов использовать для закупки американского сырья.

Из американских банков, участвовавших в этих переговорах, корреспондент называет нью-йоркский федеральный резервный банк **«Нэшенель сити бэнк»** и банкирский дом **Моргана.**

—o—

„Чистка" штурмовых отрядов.

БЕРЛИН, 27 августа. (ТАСС). В **Берлине** состоялись слеты штурмовиков и низовых активистов национал-социалистской партии, на которых выступали **Геббельс**, руководитель «рабочего фронта» **Лей** и начальник берлинских штурмовиков **Ягов.**

Все выступления были направлены против «клеветнических слухов», распространяемых в связи с событиями 30 июня. При этом особенно подчеркивалась необходимость **«слепого доверия и послушания»** в отношении мероприятий и приказов Гитлера и назначенных им «вождей».

На слете штурмовиков Геббельс особенно старался заверить, что события 30 июня не отразятся на положении и «авторитете» штурмовых отрядов. В таком же неопределенном духе высказался **Ягов**, который при этом особенно подчеркнул, что он получил от Гитлера приказ **«очистить штурмовые отряды в том смысле, как это признано необходимым».** По словам Ягова, «чистка» уже производится, однако «далеко еще не все расследовано».

Агрессивный характер японской политики.

Отклики английской печати.

(По телеграфу от лондонского корреспондента «Правды»).

ЛОНДОН, 27 августа. **Положение на Дальнем Востоке продолжает привлекать внимание английской печати, хотя и воздерживающейся от собственных комментариев, но отводящей много места информации по этому вопросу.**

Почти все газеты передают сегодня подробное сообщение о советской точке зрения на характер и движущие мотивы провокационных действий японо-манчжурских властей.

Некоторые газеты при этом приводят другие материалы, показывающие агрессивный характер политики японского империализма.

Токийский корреспондент **«Дейли геральд»** передает, что военно-морские круги в Японии активно добиваются расторжения договоров, ограничивающих морские вооружения. Нетерпеливые офицеры грозят сместить морского министра за недостаточную энергию. Последние решения японского кабинета по этим вопросам хранятся в секрете, но считается несомненным, что Япония будет возражать против продления договоров на два года, как этого хотят некоторые английские и американские круги.

—o—

Англо-японское сближение.

Токио добивается тесного политического сотрудничества с Лондоном.

(По телеграфу от лондонского корреспондента «Правды»).

ЛОНДОН, 27 августа. Телеграмма из Бейпина, помещенная в **«Манчестер гардиен»**, отмечает, что посылка делегации британских промышленников в Японию и Манчжурию не может считаться заурядным явлением, как это отстаивает официальная версия.

Китайская пресса выражает опасение, что Япония добьется от Англии **«тесного политического сотрудничества** ценою увеличения торговых привилегий».

Майорский.

ПАРИЖ, 26 августа. (ТАСС). **«Тан»** помещает сообщение из Токио о том, что в американских кругах Токио заявляют, что по их сведениям, **в Лондоне имели место переговоры о восстановлении англо-японского союза.** Далее указывается, что речь собственно шла не о восстановлении союза, который после пактов Лиги наций и пакта Келлога невозможен, но о «добром согласии» в отношении дальневосточных вопросов.

Лондонский корреспондент **«Эко де Пари»** отмечает многочисленные факты, свидетельствующие об англо-японском сближении, как, например, кампания печати, отправка промышленной делегации в Манчжоу-Го и т. д. Корреспондент полагает, что это сближение продиктовано, с одной стороны, **антисоветскими мотивами**, с другой—стремлением достигнуть соглашения с Японией накануне морской конференции.

Этому же вопросу посвящена статья **Андрэ Дюбоск в «Тан»**. «Учитывая, — пишет автор статьи, — наличие напряженных советско-японских отношений, Лондон испытывает искушение извлечь выгоду из этой ситуации...»

—o—

«МИЯКО» О СЕКРЕТНЫХ АНГЛО-ЯПОНСКИХ ПЕРЕГОВОРАХ.

ТОКИО, 27 августа. (ТАСС). Ссылаясь на «источники, заслуживающие максимального доверия», **«Мияко»** пишет: «Хотя министерство иностранных дел пассивно опровергает и пытается приостановить публичное обсуждение вопроса, **уже месяц или два продолжаются предварительные секретные переговоры между Англией и Японией».**

В заключение, ссылаясь на те же источники, «Мияко» указывает, что раньше или позже правда об англо-японских переговорах станет достоянием общественности.

БОРЬБА ЗА СААР.

Национал-социалистская пропаганда.

ВЫСТУПЛЕНИЕ ГИТЛЕРА В КОБЛЕНЦЕ.

(По телефону от специального корреспондента «Правды»).

БЕРЛИН, 27 августа. **Вчера в Кобленце (на границе Саара) состоялась демонстрация национал-социалистов, на которой выступил Гитлер с речью о предстоящем в Сааре плебисците. Вместе с Гитлером должен был выступить также Папен, он однако, как сообщают газеты, внезапно «заболел своим старым недугом»** и остался в своем имении в Саарской области.

Гитлер убеждал население Саара в своем «миролюбии» и обещал все блага жизни и отпущение всех грехов, если Саар вернется к Германии. Он заверял, что германское правительство не будет преследовать за принадлежность к той или иной партии тех, кто будет голосовать за Германию. Обещая «забыть прошлое», он заявил:

«Мы увидим в вас 800 тысяч оторванных от нас немцев, которые теперь возвращаются к нам и которым мы открываем ворота в ожидающий вас празднично разукрашенный дом».

Одновременно речь Гитлера содержала **неприкрытые угрозы по адресу тех «изменников и предателей», которые ведут кампанию против присоединения Саара к Германии.**

Гитлер коснулся в своей речи также внешнеполитических вопросов. Он подчеркнул при этом, что хочет во что бы то ни стало «обеспечить равноправие Германии» и что ни в коем случае **«не капитулирует».**

В заключение Гитлер заявил, что он стремится достигнуть соглашения с Францией по вопросу о Сааре, — «единственном территориальном вопросе, отделяющем нас от Франции».

Национал-социалистская демонстрация в **Кобленце** организована в порядке кампании по подготовке предстоящего в январе 1935 года плебисцита в Сааре. Собрание в Кобленце является одновременно контр-демонстрацией против антифашистского слета, организованного в тот же день в саарском городе **Зульцбахе** компартией и социалистической партией.

Дм. Бух.

ЛОНДОН, 27 августа. (Соб. корр. «Правды»). Речь Гитлера на границе **Саара** произвела в Лондоне отрицательное впечатление.

Пресса единодушно отмечает, что вопреки некоторым внешне «примирительным» фразам, эта речь по существу **грозит репрессиями всем, кто будет голосовать против присоединения к фашистской Германии.**

«Морнинг пост» пишет: «Именно Гитлер нарушает недавнее дружественное соглашение с Францией о беспристрастном проведении плебисцита. Гитлеру не нужен беспристрастный плебисцит. **Ему нужен плебисцит подобный тому, который проводился в Германии неделю назад, когда малейшая оппозиция подавлялась с крайней суровостью. Пока преобладают** подобные методы, национал-социалистов следует считать первыми нарушителями международного мира».

Майорский.

МОЩНАЯ АНТИГЕРМАНСКАЯ ДЕМОНСТРАЦИЯ ТРУДЯЩИХСЯ СААРА.

(По телеграфу от парижского корреспондента «Правды»).

ПАРИЖ, 27 августа. В то время, как саарские национал-социалисты в **Кобленце** клялись в верности Германии, в окрестностях **Саарбрюкена—в Зульцбахе**—состоялась мощная антифашистская демонстрация единого фронта рабочих Саара. Трудящиеся Саара—коммунисты, социалисты и католики—демонстрировали свою ненависть к фашизму и высказались за сохранение прежнего положения и независимость Саарской области.

«Пти паризьен» пишет, что это была «самая большая демонстрация, какую когда-либо видела Саарская область».

К деревьям были прикреплены огромные полотнища с лозунгами: **«Долой национал-социалистское варварство!», «Голосуйте за свободу Саара!»** и т. п.

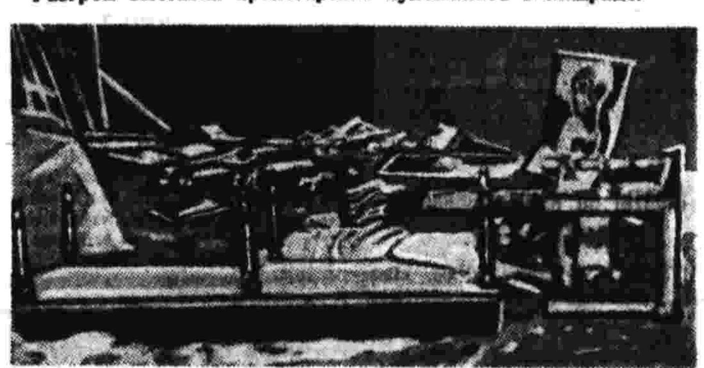
Демонстрация началась около трех часов дня речью **социалиста, который огласил две** телеграммы: одну **Тельману и Мирендорфу** (социалистический лидер, находящийся в германской тюрьме), другую—**Гитлеру**, с требованием освобождения всех политзаключенных и закрытия концлагерей.

Саарский коммунист **Пере** произнес энергичную речь, разоблачающую национал-социалистский режим.

Реми.

Испанские подражатели германского фашизма.

Разгром выставки пролетарских художников в Мадриде.

МАДРИД, 27 августа. (Соб. инф. «Правды»). Орган испанской компартии **«Мундо обреро»** сообщает о разгроме фашистами выставки антивоенных и антифашистских картин, организованной Ассоциацией революционных писателей и художников в Мадриде.

«Около 20 фашистов, вооруженных револьверами, совершили налет на выставку антивоенных и антифашистских картин, — пишет газета. — Мадридский пролетариат отнесся с величайшим интересом к этой выставке. Сотни трудящихся посещали изо дня в день выставку, любуясь произведениями пролетарского искусства».

Характерно, что громилы забрали с собой два художественных блюда большой ценности.

Предупреждение австрийским путчистам.

Речь Муссолини.

(По телеграфу от парижского корреспондента «Правды»).

ПАРИЖ, 27 августа. Здесь придают большое значение речи **Муссолини**, произнесенной по поводу закончившихся военных маневров армий.

Муссолини заявил, что маневры текущего года можно назвать самыми значительными и важными за всю послевоенную эпоху не только по количеству участвовавших в них войск, но и по другим соображениям. А именно, местность, выбранная для маневров, имеет колоссальное сходство с местностью на итальянской восточной границе.

«Никто в современной Европе, — продолжал Муссолини, — не хочет сознательно войны и меньше всего Италия, давшая многочисленные и неопровержимые доказательства своего миролюбия. Однако война, и притом внезапная, всегда возможна. В некоторых отдаленных странах война уже ведется. В Европе тоже в конце июля неожиданно наступила драматическая обстановка, странно напоминавшая обстановку 1914 года. Можно также прибавить, что если мы из предосторожности быстро придвинули несколько дивизий к северной границе, то это только потому, что на севере возникли такие осложнения, которые можно разрешить только вооруженным вмешательством. Начинать подготовку к войне следует не с завтрашнего дня, а уже сегодня».

Реми.

ВЕНА, 26 августа. (ТАСС). **«Рейхспост»** характеризует речь Муссолини на итальянских маневрах как **серьезное предупреждение по адресу подстрекателей июльского путча.**

„Германия покрыта сетью антифашистских организаций".

«Энтрансижан» о деятельности КПГ.

ПАРИЖ, 27 августа. (ТАСС). **«Энтрансижан»** посвятила новую статью о деятельности германской компартии.

Газета указывает, что, несмотря на чудовищный террор национал-социалистов, «невидимая сеть нелегальных антифашистских **организаций** покрывает сейчас Германию».

Работа германских коммунистов, — пишет газета, — **успешна благодаря массовой поддержке беспартийных.**

По сведениям газеты, влияние коммунистической партии проникло даже в штурмовые отряды, охранные отряды и другие организации национал-социалистов. В штурмовых отрядах,—пишет «Энтрансижан»,—выходят нелегальные газеты.

Газета отмечает далее исключительную изобретательность, с которой германские коммунисты проводят свою подпольную работу. «Энтрансижан» пишет, что воззвания коммунистической партии оставляются на скамьях в трамваях и автобусах. Коммунистические листовки переправляются в детских колясках.

По сведениям газеты, в Саарской области сотни листовок привязываются к воздушным шарам и уносятся ветром в Германию. Распространяются также граммофонные пластинки, начинающиеся какой-нибудь легкой песенкой и переходящие затем в революционную речь.

РОСТ КОММУНИЗМА В ЯПОНИИ.

(По телеграфу от лондонского корреспондента «Правды»).

ЛОНДОН, 27 августа. **«Манчестер гардиен»** публикует подробную корреспонденцию из Японии, констатирующую непрерывный рост активности японской коммунистической партии. Корреспонденция отмечает жестокие репрессии, применяемые к коммунистам, и подчеркивает значение того, что коммунистическое движение растет вопреки преследованиям.

«Наблюдая беспощадность и свирепость преследований коммунизма, можно было бы ожидать, что коммунизм должен быть искоренен, но в настоящее время перед нами открывается глубоко потрясающее и даже страшное зрелище постоянных успехов тех, кто готов рисковать всем для торжества коммунизма. Коммунисты немногочисленны, но руководящие круги боятся их, как призрака смерти».

«Дейли уоркер» отмечает рост стачечного движения в Японии. По официальным данным, в первой половине 1934 г. зарегистрировано 821 стачка.

Майорский.

Революционные выступления французских солдат.

ПАРИЖ, 26 августа. (Соб. инф. «Правды»). **«Юманите»** сообщает, что **500 запасных, отбывших проверочный сбор в военном лагере в Мурмелоне-на-Марне**, вышли из лагеря с пением **«Интернационала»** и украсили вагоны своего поезда красными флажками с серпом и молотом.

На **Реймском** вокзале, а также на улицах **Реймса** они кричали: **«Да здравствуют советы повсюду!»**

На **Восточном вокзале** в Париже они образовали сомкнутую группу, которая прошла по вокзалу с флажками, с пением **«Интернационала»** и с возгласами **«Долой проверочные сборы запасных!» «Да здравствует Красная Армия!»**

Демонстрация повторилась также на улицах Парижа.

СССР — на международных выставках в Измире, Копенгагене и Варшаве.

Успех советских экспонатов.

ИЗМИР, 27 августа. (Спец. корр. ТАСС). В центре всеобщего внимания на международной выставке в **Измире**, открывшейся 26 августа, находится советский павильон, организованный **союзной** торговой палатой.

Павильон отличается прекрасной конструкцией и оформлением и содержит большое количество экспонатов. Выставленные экспонаты, а также диаграммы наглядно показывают огромные достижения Советского Союза как в области промышленного, так и в области культурного развития.

Выступивший на открытии выставки председатель совета министров **Исмет-паша** особенно подробно остановился на высоких качествах советского павильона.

Затем Исмет-паша осматривал советские экспонаты и с живым интересом выслушивал об'яснения руководителей советского павильона.

В заключение Исмет-паша выразил глубокую благодарность за широкое участие Советского Союза на международной выставке в Измире.

СТОКГОЛЬМ, 27 августа. (ТАСС). Как сообщают из Копенгагена, 25 августа во Дворце спорта состоялось собрание, устроенное союзом друзей СССР, в котором приняли участие около 3 тысяч человек.

Известный датский исследователь Арктики **Рейхен** в своей вступительной речи заявил, что ведущая роль в исследовании Арктики перешла к СССР. Поход Челюскина, заявил Рейхен, был величайшим в истории арктических походов. Известная датская писательница **Карин Михаэлис** поделилась впечатлениями от посещения ею СССР, подчеркивая огромный культурный рост в Советском Союзе. Летчика **Каминского**, сделавшего доклад о развитии авиации СССР, публика встретила овациями. Все встали. Организатор советского отдела авиационной выставки инженер **Дементьев** говорил о научных авиационных институтах СССР. Собрание превратилось в мощную демонстрацию симпатий к Советскому Союзу. Собрание кончилось пением «Интернационала» и призывами к защите СССР.

Копенгагенские рабочие в советском отделе выставки ежедневно на самолет **Молокова** возлагают цветы. В памятной книге советского отдела сделано много характерных записей, отмечающих, что советский отдел демонстрирует служение авиации целям культуры, в отличие от отделов других стран.

ВАРШАВА, 27 августа. (ТАСС). 25 августа открылся советский отдел картографической выставки, организованной при международном географическом конгрессе.

Несмотря на то, что и отделы ряда других государств составлены весьма содержательно и интересно, наибольший интерес вызывает все же советский отдел. Комната, в которой размещены советские экспонаты, почти всегда полна посетителями.

Особенное внимание широкой публики привлекают карты на национальных языках народов СССР, а также особая часть советского отдела, посвященная **Арктике.**

Ученые с особым интересом рассматривают научные карты. Всеобщее внимание привлекает макет большого советского атласа мира.

От'езд советских физкультурников из Франции.

ПАРИЖ, 27 августа. (ТАСС). Перед от'ездом советских физкультурников из Франции на нескольких стадионах Парижа состоялись состязания советских и французских физкультурников по различным видам спорта.

В **Венсенне** в присутствии 10 тыс. рабочих и советских спортсменов, состоялись мотовелогонки. В **Сен-Дени** сборная футбольная команда Москвы встретилась со сборной командой одного из парижских рабочих футбольных клубов. Матч закончился со счетом 14 : 1 в пользу советских футболистов. После состязаний вечерним поездом советские физкультурники выехали в Москву.

БЕЗРАБОТИЦА.

ПИСЬМО ИЗ АНГЛИИ.

Что особенно поражает в современной Англии — это контрасты, вопиющие контрасты социального строя. Роскошь и нищета! Чревоугодие и голод!

Тяжелые бронзовые двери со старинным гербом и британскими львами по бокам — вот вход в здания, к каменным сейфам пяти крупнейших банков, хозяев страны и всей империи. Почти на каждом углу Лондона находится филиал 5 великанов: **Английского банка, Ллойдс бэнк, Мидленд бэнк, Нейшенел провиншизнел энд юнион бэнк, Вестминстер бэнк и Берклн бэнк.** Пять великанов управляют Англией!

И одновременно в рабочих кварталах Лондона, Глазго, Бирмингама до сегодняшних дней продолжают ютиться грязные лачуги, трущобы — убежища для клопов, тараканов и рабочих, — по красноречивому выражению одного почтенного лорда.

Слэмы — трущобы — стали символом современной капиталистической Англии, ярчайшим показом банкротства режима. И недаром консерваторы одним из главнейших пунктов своей демагогической предвыборной программы наметили кампанию за уничтожение трущоб.

Нищета и безработица так и бьют в глаза в огромном, чудовищно огромном Лондоне, насчитывающем теперь 9 млн населения. В Попляре, Степни, Леймгаузе, Чайнатоун — в рабочих кварталах, особенно в ночные часы у тусклых фонарей пивных, поражают грязь, нищета, убожество; на лицах тоска и отчаяние. И кажется, время возвращается вспять. Лондон — город-спрут, про который **Ленин** писал, что в нем живут две нации — бедные и богатые, Лондон, описанный **Энгельсом** девяносто лет назад, — встает в памяти.

Смотришь в рабочем квартале по сторонам, тщетно ищешь ощутимых признаков прогресса. Их нет, разве только «гуманный», ханжеский, фарисейский закон леди Астор, запрещающий малолетним входить в кабаки. Во славу английской цивилизации и парламентской демагогии эти нищие дети томятся у входов в пивные, с тоской и жалостью всматриваясь в лица пьяных матерей.

Безработица — лучший показатель тщетных потуг буржуазии оживить дела. В Лондоне, во всей Англии, несмотря на известное улучшение промышленной кон'юнктуры, безработица не падает. Последние два месяца она дала вновь скачок **вверх,** даже по официальным данным.

Безработный — завсегдатай улиц; его привычным взглядом провожает даже «бобби» (полисмен), и в ночные часы, когда бездомный устало протягивает свое тело на скамейке парка, полицейский—это бдительное око английского закона и порядка — делает вид, будто его не замечает. Говорят, что полиция боится безработных. И если у биржи труда запрещены собрания безработных, то на Трафальгар-сквере—в сердце Лондона, у знаменитой колонны адмирала Нельсона, безработные сотнями сидят на ступеньках. Их тупой, отчаявшийся взгляд—живой и страшный приговор современному строю.

В Гайдпарке после 11 часов ночи безработные располагаются на ночевку целым лагерем. Прикрывшись старыми газетами, они лежат на сырой земле, так как для ночлежки у них нет двух пенни. И, когда с Темзы начинает подниматься туман и заволакивать дорожки парка, эти люди кажутся трупами, брошенными на поле битвы.

* * *

Квартира докера Д. в Попляре состоит из двух маленьких комнат. Она стоит 13½ шиллингов в неделю, т. е. забирает огромную часть ничтожного бюджета хозяина. Теперь докеру повезло—он получил, хотя и временную, но все же работу. В неделю два, а иной раз и три раза он тащит грузы в доках Истэнда. Эти деньги (12 с лишним шиллингов в день) жена его должна распределить так, чтобы на остаток заработка—за вычетом квартплаты, топлива, страхвзносов и пр.—прокормить мужа, троих детей и мать всю неделю.

Сейчас докер Д. сидит у стола. В комнате, помимо этого предмета и двух стульев, почти все место занимает огромная кровать—типичная английская кровать, на которой легко может уместиться вся семья. Серое, грязное белье еще неубранной кровати, набросанный в кучу хлам и тусклый, безрадостный взгляд хозяина. Неуютная обстановка!

Совсем не так в квартире железнодорожника. Там нередко можно увидеть и велосипед, и патефон, и огромное количество всюду развешанных и разложенных тарелочек, чашечек, салфеточек — необходимых атрибутов счастливой английской семейной жизни. Но это квартира представителя привилегированного слоя английского пролетариата, так называемой рабочей аристократии.

Докер Д.—старый сознательный рабочий. Он, видимо, хорошо знает свою буржуазию.

— Подкармливать кое-кого, хотя и все меньшее число, наши буржуи—мастаки,— говорит он.—Сеять между нами рознь и распри—их первое дело.

И докер долго и подробно высказывает волнующие его мысли. Он говорит о раздробленности и многочисленности английских профсоюзных организаций, число которых в настоящее время приблизительно осталось таким же, каким оно было еще в конце прошлого столетия. Например, на железнодорожном транспорте и в металлообрабатывающей промышленности насчитывается 116 союзов, в текстильной промышленности—279. В Англии до сегодняшнего дня нет ни одного настоящего производственного союза в том смысле, в каком понимаются профессиональные организации в СССР.

Английские историки профессионального движения **(Сидней Вебб, Джордж Коль)** делят английские тред-юнионы на 6 категорий: цеховой тред-юнионизм; об'единение по признаку обрабатываемых материалов, производственный юнионизм; об'единение по работодателю; об'единение неквалифицированных рабочих; организация по признаку пола. В Англии до сегодняшнего дня встречается громадное количество местных союзов, охватывающих рабочих одного только района или города. Например, «об'единение шоферов Ливерпульского района», «Союз грузчиков угля Кардиффского района» и т. д.

Раздробленность союзов приводит к тому, что между рабочими идет беспрерывная борьба, непрекращающаяся конкуренция. Множество союзов, их постоянные конфликты друг с другом ослабляют рабочий фронт.

«Вот почему,—заканчивает рассказ свой докер, — буржуазия всячески поощряет эту «организационную мозаику» профсоюзов. Впрочем, не только буржуазия, но и профбюрократы, эти откормленные чиновники, давно превратившие звание председателя, секретаря профсоюза в теплое местечко».

И докер Д. уже по дороге к Истэндским гаваням показывает: «Обманывают нас, опутывают, точно паутиной. Для этого и парламент, и демократия, и ораторы в Гайдпарке. Да вот недалеко ходить».

Докер Д. с усмешкой показывает на мостовую. На ней огромными буквами начертано мелом: «Собрание безработных состоится 30 августа».

— В этом районе в совете сидят лейбористы, и они разрешают чертить вот эти знаки на мостовой. Но пройдите 15 шагов, район Леймгауз,—район консерваторов,— и там революционные призывы на мостовых запрещены. Там полиция имеет право за это арестовывать. И если все же увидите эти знаки, то знайте, что их начертить можно только ночью и целой группой—человек двенадцать. Тогда бобби трусит!

— А вот видите домик,—продолжал мой собеседник. — Этот домик принадлежит революционному союзу моряков. На мостовой, непосредственно прилежащей к зданию, начертано: «Только единый фронт спасет рабочих».

Как же так? Ведь здесь район консерваторов?

И докер спешит об'яснить: домик этот— частная собственность, и владелец ее имеет право делать на этой территории все, что ему заблагорассудится. Но беда в том, что там, где по закону не вмешивается полицейский, препятствия строят профсоюзные бюрократы. В революционном союзе моряков идет непрекращающаяся драка между рабочими и реформистским руководством. Нет гарантии, что этот революционный призыв, начертанный мелом на мостовой, втихомолку не сотрет в угоду хозяевам профсоюзный лидер.

— Вы видите, миссис, — заканчивает докер Д. свой поучительный рассказ, — сколько придумано законов для ущемления интересов рабочих. Запутали, кругом запутали нас. Мы — точно в тенетах».

И только уже у самых доков, прощаясь, он бросает:

«Ничего, разрубим!»

М. А.

Прекрасный почин.

Цветы на фоне наших великолепных заводов и цехов — один из многочисленных признаков роста культурности. Как они ласкают глаз, эти пестрые цветы! Никогда еще в нашей стране не было столько цветов, как теперь. Их будет еще несравненно больше.

Но, к сожалению, есть еще много предприятий, поселков, которые не только далеки от цветов, но пока что тонут в грязи.

Здесь излишне агитировать о пользе чистоты. Уже стало азбукой, что высокая степень индустриализации, между прочим, означает чистоту, чистоту и еще раз чистоту. Перефразируя известное изречение, можно сказать: скажи, в каком состоянии твой заводской двор, кадр уборщиц, и я тебе скажу, насколько ты овладел новой техникой. Пресловутая чистота довоенной Германии несомненно играла огромную роль в ее высоком промышленном развитии.

Чистота на заводе должна сопровождаться хорошей гигиеной в жилищах, поселках, городах, общественных местах, в особенности в столовых. При всех прочих условиях производительность труда рабочего и инженера будет выше у того, у кого дома чисто.

Нам хочется обратить внимание здесь на определенный слой женщин — жен рабочих и инженеров, которые не работают и которые без особого напряжения могут совершать чудеса в этой области. На Красноуральском комбинате, который, к сожалению, еще тонет в грязи, выделяется островок—дорога, ведущая к электроподстанции. Здесь т. **Суровцева**, жена начальника этой станции, заботливо насадила цветы и отвоевала у грязи маленький клочок заводской территории. Даже тогда, когда Красноуральский комбинат будет славиться своей чистотой, пример Суровцевой останется в памяти как прекрасный поступок образцовой советской женщины.

Тов. **Орджоникидзе**, будучи на комбинате, не только премировал Суровцеву, но всячески популяризировал ее примерное отношение к борьбе за очищение Красноуральска.

Жены рабочих, инженеров, директоров, начальников строительств, цехов, секретарей парткомов, жены всей нашей интеллигенции могут сыграть в борьбе за чистоту в поселках, квартирах, детских яслях, садах, школах и больницах совершенно исключительную роль. Какое поле самодеятельности и изобретательности! И какие прекрасные будут результаты! Речь не идет здесь о субботниках, комиссиях, заседаниях, нет, речь идет конкретно о том, чтобы перед домами, в особенности в новых поселках, было чисто, а в квартирах культурно и уютно. Посадите цветы, следите за тем, чтобы общий коридор и лестница не замусорились, заглядывайте в детские дома, сады, ясли и школы!

Равнодушие к грязи — это преступление. Требуется создать такое общественное мнение, чтобы директора предприятий и школ, заведующие яслями, коменданты бараков краснели за грязь. И следите за своими мужьями, чтобы они находились и работали в чистоте! Это дело чести, особенно тех жен рабочих, инженеров, хозяйственников и партийных работников, которые не работают и у которых масса свободного времени.

Г. ВАСИЛЬКОВСКИЙ.

Красноуральск.

4 новых вуза Наркомзема.

В вузы Наркомзема СССР в этом году будет принято 17.220 человек, главным образом, агрономов, ветеринаров и зоотехников. Испытания в большинстве сельскохозяйственных институтов начнутся 1 сентября, а занятия — 1 октября. В этом году открываются 4 новых сельскохозяйственных вуза — в Иркутске, Днепропетровске, Смоленске и Сталинабаде.

—o—

БУМАГА ИЗ ДРЕВЕСНОГО ГНИЛЬЯ.

ГОРЬКИЙ, 27 августа. (**Корр. «Правды»**). Марийский научно-исследовательский институт опубликовал в «Марийской правде» сообщение о своих первых опытах по использованию древесного гнилья в бумажной промышленности. Как известно, древесная гниль идет на топливо. Институту в результате длительных опытов удалось получить бумагу, сделанную с примесью 30 проц. гнилья. Бумага эта по качеству не уступает обыкновенной, но на 50 проц. дешевле ее.

Колонна автопробега «За металл» стартовала на Горький.

Третьего дня колонна автопробега «За металл для Горьковского автомобильного завода им. Молотова» стартовала из Москвы на Горький. В беседе с сотрудником «Правды» вице-командор пробега тов. **Родионов** сообщил, что участники пробега прошли на одиннадцати машинах ГАЗ 4.800 километров без серьезных поломок и аварий.

В пути они посетили 12 металлургических заводов Донбасса, Днепропетровщины и Мариупольщины—поставщиков металла для автотракторной промышленности СССР и в частности для завода им. Молотова. Установлена живая связь с заводами, проверен ход выполнения заказов, согласованы сроки проката и отгрузки металла.

В Москве участники пробега были приняты в Центральном аэроклубе председателем Центрального совета Осоавиахима тов. **Эйдеманом** и другими членами Центрального совета и получили «воздушное крещение» на самолетах аэроклуба.

Собрания партактива в районах Москвы.

◆ В районах Москвы состоялись собрания партактива, посвященные подготовке к XX Международному юношескому дню. На собрании партактива бауманской организации с докладом о юношеском празднике и задачах рабочей молодежи выступил секретарь ЦК ВЛКСМ тов. **Салтанов.**

◆ В клубе фабрики «Буревестник» на собрании партактива Сокольнического района собралось около 1.000 человек. Доклад о Международном юношеском дне сделал секретарь ЦК и МК ВЛКСМ тов. **Лукьянов.** Собрание горячо встретило представителей германского и чехо-словацко комсомола, рассказавших о работе комсомола и положении рабочей молодежи в капиталистических странах.

◆ В Сталинском районе на собрании партактива присутствовало свыше 2.000 человек.

С докладом выступил генеральный секретарь КИМ тов. **Чемоданов.**

В своих решениях собрания партактива целиком и полностью присоединяются к резолюции, принятой общемосковским партактивом. (Роста).

Выплавка металла за 25 августа.
(в тоннах).

	Чугун.	Сталь.
План.	31.000	28.500
Выплавлено.	30.769	27.248
% выполнения.	99,2	95,6

Готовый прокат за 25 августа.
(в тоннах).

План.	Прокатано.	% плана.
20.000	18.378	91,9

Добыча угля по Союзу за 24 августа.
(в тоннах).

План *).	Добыто.	% плана.
232.096	214.401	92,4

Добыча угля в Донбассе за 25 августа.
(в тоннах).

План.	Добыто.	% плана.
173.000	163.363	94,4

Добыча и сушка торфа на 24 августа.
(в тыс. тонн).

Добыто с начала сезона.	Высушено с начала сезона.	% от добытого торфа.
10.898,0	6.949,5	63,9

*) План на выходной день.

РАБОТА ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ 24 АВГУСТА.

ДОРОГИ.	Погружено. Вагонов.	Погружено. % выполнения плана.	Выполнение норм обмена вагон. в %. Принято с соседних дорог.	Выполнение норм обмена вагон. в %. Сдано соседним дорогам.	% обеспечения вагонами.
Оренбургская (нач. т. **Подшивалин**)	582	140	115	81	95
Забайкальская (нач. т. **Осипов**)	1.009	182	90	53	124
Окружная (нач. т. **Петриковский**)	369	106	97	99	102
Западная (нач. т. **Жуков**)	2.326	112	100	97	109
Мурманская (нач. т. **Ледник**)	1.337	89	98	101	95
Закавказская (нач. т. **Розенцвейг**)	1.771	100	111	90	109
Курская (нач. т. **Карпенко**)	2.620	97	98	96	107
Октябрьская (нач. т. **Синев**)	2.410	84	107	99	109
Южно-Уральская (нач. т. **Князев**)	1.690	94	98	101	113
Ряз.-Уральская (нач. т. **Кавтарадзе**)	1.456	96	91	91	99
Южная (нач. т. **Зорин**)	1.341	98	88	86	95
Казанская (нач. т. **Кучмин**)	2.811	99	91	91	104
Северная (нач. т. **Амосов**)	2.896	98	94	88	104
М.-Бел.-Балт. (нач. т. **Русанов**)	1.199	81	103	101	114
Донецкая (нач. т. **Левченко**)	7.249	86	82	85	87
Екатерининская (нач. т. **Билик**)	6.998	98	84	86	103
Юго-Восточная (нач. т. **Житков**)	2.839	87	84	84	91
Северокавказская (нач. т. **Лившиц**)	4.114	99	84	84	106
Среднеазиатская (нач. т. **Прокофьев**)	1.246	120	70	84	122
Юго-Западная (нач. т. **Друскис**)	3.122	90	91	70	102
Омская (нач. т. **Базулин**)	540	75	87	88	101
Турксиб (нач. т. **Четвергов**)	200	80	67	80	80
Пермская (нач. т. **Миронов**)	2.377	88	83	77	102
Уссурийская (нач. т. **Лемберг**)	1.301	96	88	70	115
Сам.-Златоустовская (нач. т. **Ковылкин**)	993	74	79	82	104
Томская (нач. т. **Дьянов**)	2.557	79	62	80	91
Восточносибирская (нач. т. **Гольцев**)	772	95	57	60	105
Погружено всего	**58.125**	**94**	—	—	**103**
Разгружено »	**56.698**				

ПОГРУЗКА ВАЖНЕЙШИХ ГРУЗОВ.

Уголь	206.900	тонн	89	проц. плана
Кокс	15.309	»	92	» »
Руда	66.157	»	102	» »
Флюсы	20.181	»	105	» »
Соль	14.792	»	103	» »
Метал	2.200	вагонов	96	» »
Хлеб	6.534	»	92	» »
Лес	5.710	»	101	» »
Нефтепродукты	5.360	»	100	» »

ПЕРЕВЫБОРЫ СОВЕТОВ В АРКТИКЕ.

АРХАНГЕЛЬСК, 27 августа. (Роста). Закончились перевыборы советов Новой Земли и острова Колгуева. Несмотря на территориальную разбросанность, в выборах участвовало **70** проц. населения. Выборы прошли весьма активно.

В совет о. Колгуева вошло 15 ненцев и 7 русских. В числе ненцев—4 женщины. Председателем избран бедняк ненец **Мирон Евсюгин.** Председателем островного совета Новой Земли единогласно избран уже в одиннадцатый раз ненец **Вылка.**

Предвыборные собрания на Новой Земле проведены во всех становищах. С большим под'емом обсуждались доклады о выполнении народнохозяйственного плана СССР и вопросы международного положения.

Новому составу совета Новой Земли избиратели поручили организовать на острове регулярную почтовую связь — летом на моторном боте, зимой на собаках. Решено ходатайствовать перед краем об установлении регулярных пассажирских рейсов Новая Земля—Архангельск.

Избиратели о. Колгуева поручили вновь избранному совету организовать на острове повышенную туземную школу-семилетку, создать стационарную больницу, увеличить оленьи стада. С'езд советов острова Колгуева особо подчеркнул хорошую работу красного чума. Благодаря ему большая часть ненцев острова сейчас грамотна.

—o—

Восьмой азербайджанский с'езд советов.

БАКУ, 27 августа. (ТАСС). Президиум АзЦИК постановил созвать VIII азербайджанский с'езд советов 25 декабря 1934 года. Порядок дня с'езда: отчет правительства АзССР, доклады — о народном образовании, о дорожном строительстве, по конституционным вопросам, выборы ЦИК АССР и делегатов на VII закавказский с'езд советов.

—o—

Урожай фруктов превзошел все расчеты.

СИМФЕРОПОЛЬ, 27 августа. (Роста). Урожай фруктов в Крыму превзошел все расчеты. Наркомзем Крыма исчислял сбор фруктов в 28.480 тонн. Но эти данные явно преуменьшены. Только в двух основных садоводческих районах — Бахчисарайском и Карасубазарском будет собрано фруктов в полтора раза больше, чем предполагалось. Совхоз «Мариано», Карасубазарского района, снимет 4.000 тонн вместо 2.000 по плану; совхоз «Профинтерн» — 1.600 тонн вместо 900.

Многие совхозы и колхозы оказались застигнутыми врасплох обильным урожаем. Чатаны (подпорки для ветвей) вовремя не были приготовлены, между тем ветви обламываются под тяжестью плодов.

—o—

Опыты по искусственному дождеванию.

АШХАБАД, 27 августа. (**Корр. «Правды»**). Туркменский институт искусственного дождя строит в окрестностях Ашхабада опытную вышку для испытания установок советского физика **Федосеева** и американского ученого **Хейта.** Вышка устанавливается на вершине холма высотой в 120 метров. Высота башни — 65 метров. При помощи этого сооружения в широком масштабе будут проверены опыты по осаждению облаков в виде дождя и образованию искусственного дождевания, с успехом выполненные весной лабораторией института в небольших размерах в полевых условиях.

Федосеев и Хейт доказали возможность вызвать искусственный дождь, воздействуя на тучу электроразрядами. Радиус действия вышки — 25 километров.

—o—

Транспорту — всемерную помощь и поддержку.

Вчера открылось созванное ЦИК СССР всесоюзное совещание по вопросам организации помощи советских органов ж.-д. транспорту. На совещание прибыли представители передовых горсоветов, транспортных секций и депутатских групп, начальники и парторги нескольких лучших станций Союза, работники политотделов, дорожных профорганизаций и руководящих советских органов РСФСР, Украины, Белоруссии и Закавказья.

Совещание открыл начальник Политуправления НКПС тов. **Поленский.** (ТАСС).

—o—

КМОХ ПРОИГРАЛ ЧЕХОВЕРУ.

ЛЕНИНГРАД, 27 августа. (**Корр. «Правды»**). 27 августа в восьмом туре турнира шахматных мастеров СССР Юдович и Рюмин (французская защита) на 20 ходу согласились на ничью. Партия Левенфиш—Лисицын (дебют Рети), после генерального размена также закончилась вничью. В партии Кан — Рабинович (ферзевый гамбит) белые в критический момент нашли возможности повторения ходов, чем и закончили партию вничью.

После перерыва Чеховер выиграл у Кмоха. Вничью закончилась партия Романовского с Ботвинником. Партия Эйве—Алаторцев отложена.

БЕСХВОСТЫЙ САМОЛЕТ.

Трехлетний опыт Харьковского авиационного института имени Осоавиахима показывает, что качество подготовки новых специалистов несравненно выше, если учеба сочетается с научно-исследовательской работой.

Самолет «ХАИ-1», который сейчас широко известен в стране, родился в результате исследовательской работы, проведенной студентами—дипломниками института — тт. **Мароп, Арсон** и др. под руководством инж. **Немана.** Конструкторы не остановились на достигнутых в прошлом году показателях и систематическим усовершенствованием машины на заводе добились выдающихся результатов. В прошлом году «ХАИ-1» показал максимальную скорость—**293 км в час.** Экземпляры, построенные в этом году, дали скорость **337,5 километров в час.** Конструкторам удалось нащупать основное звено, решающее проблему **скорости:** удобообтекаемость машины, высокую аэродинамическую культуру, отсутствие выступающих деталей.

В проектировании и постройке машины «ХАИ-1» все время принимали участие студенты института. Все новые вопросы, решенные конструкторами, введены в учебные программы и планы.

Сейчас институт может праздновать победу постройкой нового гражданского самолета. Его научные сотрудники тт. **Бенинг, Лазарев и Кроль** спроектировали и построили **бесхвостый самолет «ХАИ-4»** с советским мотором «М-11». Новизна дела, особенно обеспечение устойчивости аппарата потребовали от конструкторов исключительной творческой деятельности. Задача была разрешена блестяще. Самолет заканчивает заводские испытания.

Б. ФРЕЙДИН, Б. МУРАВИЧ.

Воздушный поезд вылетел из Москвы.

Вчера, в 2 часа 30 мин. дня, с Тушинского аэродрома вылетел в Коктебель воздушный поезд под командой начальника всесоюзного слета планеристов тов. **Минова.** Общая длина маршрута Москва — Харьков — Киев — Запорожье — Коктебель — 1.270 километров. Во всех этих пунктах маршрута намечены посадки. В Коктебель предполагается прибыть 29 августа.

Экипаж самолета «П-5» составляют командир поезда т. Минов и бортмеханик «воздушный сцепщик» т. **Эскин.** На борту пятиместного планера «ГН-4» пилот т. **Симонов** и четыре пассажира, двумя одноместными планерами «Г-9» управляют тт. **Анохин и Шелест,**—все мастера советского планеризма и рекордсмены, уже изведавшие воздушный путь из Москвы в Коктебель на безмоторных машинах.

Поезд снабжен ультракоротковолновой радиоустановкой. Передатчик — на самолете в кабине пилота, приемники — на каждом из трех планеров. Радиус действия передатчика около 30 клм, его прекрасно слышно и на земле.

Всесоюзный пушкинский комитет.

В связи с исполняющимися в 1937 г. столетием со дня смерти великого русского поэта, создателя русского литературного языка и родоначальника новой русской литературы, А. С. Пушкина президиум ЦИК Союза ССР постановил учредить Всесоюзный пушкинский комитет под председательством Алексея Максимовича **Горького.** В состав комитета вошли тт. **Ворошилов К. Е., Куйбышев В. В., Киров С. М., Жданов А. А., Енукидзе А. С., Стецкий А. И., Бубнов А. С., Затонский В. П.** и ряд других членов правительства, академиков, работников литературы, выдающихся писателей, поэтов и артистов Союза и национальных республик.

Пушкинскому комитету поручено выработать мероприятия по увековечению памяти великого поэта и содействовать широкой популяризации его творчества среди трудящихся Советского Союза. Разработанные комитетом предложения должны быть внесены на утверждение ЦИК Союза ССР.

Древний город Тункет.

ТАШКЕНТ, 27 августа. (**Корр. «Правды»**). «Правда» сообщала уже об открытии близ Ташкента древнего города Тункета—столицы государства Илак (см. «Правду» № 192 от 14 июля с. г.). Сейчас археологическая экспедиция узбекского комитета охраны памятников старины закончила топографические с'емки и детальное изучение развалины.

По словам руководителя экспедиции археолога Массона, удалось восстановить следующую картину быта столицы Илака. У подножья высоких горных вершин, в долине Ангрена, стоял этот город Тункет, в окружности занимавший 6 километров. Толстые стены с 4 воротами охраняли его. Внутри города была крепость, неприступные стены которой через равные промежутки охраняли полубашенки—бурджи.

Над крепостными стенами возвышался дворец.

Широкие улицы с многоэтажными домами ведут в восточную часть города. Здесь царило особое оживление: стучали молоты, пылали печи металлургических заводов, кузниц и мастерских. Об этом свидетельствуют колоссальные кучи пепла, шлака, остатки печей и руды.

Дата возникновения города не установлена. Известно только, что в последний раз в Тункете чеканились монеты в середине XI века. Проведенные с'емки позволят в будущем году широко развернуть археологические раскопки древней столицы.

Текстильные машины для „Туркстроя".

ИВАНОВО, 27 августа. (Роста). Ивановский машиностроительный завод № 4 изготовил для Турецкого текстильного комбината «Туркстрой» первые 5 текстильных машин. Они предназначены для ситцевого производства. Выпущены 2 «Бренвуда» (для окраски хлопка), мойная машина, жгуторасправитель и водяной каландр.

—o—

160 вагонов недоброкачественной пшеницы.

БАКУ, 27 августа. (**Корр. «Правды»**). Отправленная Заготзерном из порта Николаев в адрес Лякского, Акстафинского и Уджарского хлопкозаводов (Азербайджан) партия пшеницы в количестве 160 вагонов оказалась недоброкачественной и негодной к употреблению. Все зерно попорчено головней. Влажность достигает 18 проц., сорность — 4 проц. Пшеница имеет сильный селедочный запах. Этот хлеб предназначался для отоваривания хлопка, сдаваемого колхозами и единоличниками.

Хлопкозаводы отказались от приемки негодного зерна.

А. НАУГОЛЬНОВ.

—o—

«БОЛОТНЫЙ АВТОМОБИЛЬ».

РЫБИНСК, 27 августа. (Роста). На заводе дорожных машин начато строительство первого в Союзе двухтонного «болотного автомобиля» с гусеничным ходом. Одновременно строится болотная корчевальная машина. Обе машины предназначаются для работы на торфяных болотах.

Второй путь Мытищи — Щелково.

На участке Мытищи — Щелково (16,8 клм.) Северной дороги развернулось строительство второго пути. В этом году должен быть сдан в эксплуатацию участок от Мытищ до ст. Подлипки, протяжением в 4,5 километра.

С постройкой второго пути число пригородных электропоездов от Москвы до станции Щелково увеличится более чем в полтора раза. (Роста).

—o—

ХРОНИКА.

◆ В связи с организацией Народного комиссариата внутренней торговли СССР Совнарком Союза ССР постановил ликвидировать Комитет товарных фондов и регулирования торговли при СТО. (ТАСС).

◆ Совнарком РСФСР назначил тов. **Т. С. Крылова** первым заместителем наркома финансов РСФСР, освободив его от обязанностей главного арбитра РСФСР.

◆ Президиум ВЦИК санкционировал назначение тов. **Н. С. Попова** уполномоченным Народного комиссариата внешней торговли СССР при Совнаркоме РСФСР и освобождение от этих обязанностей тов. **М. Г. Бронского.**

◆ Для проведения творческих командировок художников и скульпторов Совнарком РСФСР постановил отпустить Наркомпросу РСФСР из резервного фонда Совнаркома 100 тыс. руб. (Роста).

—o—

ОТОВСЮДУ
(От корреспондентов «Правды» и Роста).

Исполнилось 10 лет существования национального Шапсугского района (Азово-Черноморский край). При царском режиме шапсуги подвергались зверским преследованиям, многие бежали в Турцию. За последние 10 лет народное хозяйство Шапсугии значительно выросло. 90 проц. хозяйств коллективизировано. Грамотность населения поднялась с 0,5 проц. до 90 проц.

На американском пароходе прибыло вчера в Ленинград 50 иностранных туристов из Америки, Англии, Дании и других стран.

В селе Михайловском (Псковского района), где жил Пушкин, Институт русской литературы Академии наук СССР организует выставку, посвященную быту крепостных помещиков.

Плуг-пропольник для междурядовой обработки культур изобрел колхозник Мяксинского района, Ленинградской области, тов. Болотов. Плуг заменяет ручной труд 50 человек.

Сорок седьмая АТС.

В 1927 году первые автоматические телефонные станции в Союзе устанавливала шведская фирма «Эриксон». При монтаже одной из станций **Москва—Промежуточная** по проекту, разработанному фирмой, обнаружился ряд серьезных недочетов. Два с лишним года длился тогда монтаж АТС на 10 тыс. номеров!

В 1931 году при Народном комиссариате связи был создан трест **«Связьмонтаж».** Трест освоил установки самых сложных телефонных станций. Так, например, Ленинградская-Промежуточная сдана и пущена **без каких-либо переделок.** Установка 10-тысячной АТС теперь длится всего **14—16 месяцев.**

В середине августа трест «Связьмонтаж» сдал в эксплуатацию 47-ю автоматическую телефонную станцию (в Тифлисе).

Оборудование для этих станций изготовляет по проектам треста ленинградский телефонный завод «Красная заря».

НОВЫЙ СЕЗОН В МАЛОМ ТЕАТРЕ.

31 августа показом с'езду писателей пьесы **Б. Ромашова «Бойцы»** Малый театр открывает зимний сезон.

На международном театральном фестивале Малый театр выступает 7 сентября с постановкой «Дон-Карлоса» и 8 сентября с «Любовью Яровой» в новом оформлении.

В октябре на большой сцене — премьера пьесы «В чужом пиру похмелье». Режиссер — заслуженный деятель искусства **Нароков,** художник — **Егоров.**

«Волки и овцы», как известно, по цензурным условиям нельзя было в старое время показать так, как их задумал Островский. Малый театр решил поставить пьесу по первоначальной редакции драматурга, при чем действие переносится в монастырь. Премьера—в ноябре. Режиссер—**Хохлов.**

Новую комедию **Микитенко «Птахи и комахи»** Малый театр покажет в декабре. Комедия разоблачает подхалимство и приспособленчество.

Во второй половине сезона намечена постановка «Отелло» **Шекспира** в переводе **Анны Радловой.** Для постановки пьесы приглашен режиссер **С. Радлов.**

Директор Малого театра тов. **С. Амаглобели** говорит:

— Театральная Москва не может не иметь пушкинского спектакля. Сценическая культура Малого театра позволяет думать, что наши актеры смогут довести пушкинский стих до аудитории. Поэтому мы наметили «Бориса Годунова» в постановке **Н. Волкова.**

Еще в первой половине сезона к работе в театре приступают народный артист республики **В. Немирович-Данченко** и заслуженный артист **А. Дикий.**

Новые пьесы заказаны драматургам **Славину, Треневу, Корнейчуку, Файко** и **Зархи.**

Филиал (театр им. Сафонова) в сентябре покажет премьеру «Последняя бабушка из Семигорья» **Евдокимова.**

В октябре параллельно с основной сценой в филиале пойдет «В чужом пиру похмелье».

Совхозно-колхозный филиал (в с. Земетчино, Воронежской области) за летний сезон осуществил постановки пьес «Ревизор», «Последняя бабушка из Семигорья», «На бойком месте». Сейчас театр в отпуску. Работа возобновляется в октябре.

После отпуска театр приступает к постановке «Овечьего источника» **Лопе де Вега,** «Собственности» **Персонова** и «Горькой судьбины» **Писемского.**

—o—

ЦЕХ ПАТЕФОНОВ.

ИВАНОВО, 27 августа. (Роста). На Ярославском заводе бытовых электроприборов организован цех производства патефонов. В июле он изготовил первые 50 патефонов для Мосторга. В августе выпущено 155 патефонов. Всего в третьем квартале их будет изготовлено 2 тыс. штук. Испытание показало, что по качеству ярославские патефоны не уступают импортным.

Главное управление пограничной и внутренней охраны НКВД СССР с глубоким прискорбием извещает о смерти стойкого большевика, начальника политотдела управления внутренней охраны НКВД Средневолжского округа

БЕДНОГО,
Григория Илларионовича,

последовавшей 22 августа 1934 года.

Уполномоч. Главлита № В—96581. Типография газеты «Правда» имени Сталина. Издат. № 752.